

действий казаков. Из всех действующих под Азовом военачальников кроме Петра I автор упоминает только казачьих атаманов Леонтия Поздеева и Фрола Минаева. По-видимому, основной текст П. заимствован из реляций, отправляемых из-под Азова в Москву почтой. Так, среди документов, опубликованных в ДРВ (2-е изд. Т. 16. С. 264—266, 171—277) под названием «Сказание о взятии Азова», встречаются тексты, полностью совпадающие с фрагментами П. («Сказание» см. также в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1609, л. 270 и след.). На один из документов — лист гетмана (Мазепы, хотя имя его не названо) от 19 июня 1696 г. — есть ссылка и в самой П. В распоряжении автора были разряды, упоминавшие о гибели тех или иных знатных людей («И на том бою от меча падоша знатных людей человек 18, в том числе убит зело добр воин стольник Сила Васильев сын Лихарев»). Возможно, что автор и сам принимал участие во взятии Азова или пользовался информацией кого-либо из очевидцев, на что указывают некоторые подробности и детали повествования: «И лутчего мурзу убили, у которого сидит Василей Воейков. И голову ево в обоз привезли, великий был наездник. Убил ево яипкий казак ис пищали в самую голову». В некоторых случаях заметно авторское отношение, комментарий к излагаемому. Заканчивая историю выдачи турками Якушки (голландского матроса-изменника Якоба Янсена, перешедшего на сторону турок во время первой осады Азова русскими в 1695 г.), автор пишет: «Изменника немчина Якушку везли, распетля на чепях, как Стенку Разина. Казнь ему была в Преображенску, руки и ноги ломаны колесом, а потом голову отсекали». Других казаков, оказавшихся у турок в Азове и по возвращении подвергнутых наказанию, называют в П. «охреяны»; так во времена Петра I называли раскольников (см.: Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 774).

Обращение к документальному материалу определило документально-публицистический характер П. Она написана деловым языком реляций и петровских «Ведомостей» в сочетании с разговорными оборотами непосредственного свидетеля событий (например: «Толко в самом Азове долго будет чистить и ровнять, престрашно от бомбов разорен, ни малого места целого нет»). Документальность П. подкрепляется ее хронологическим членением: каждое новое событие начинается с даты, сначала только с упоминания года, а затем, по мере конкретизации событий, с месяца и числа. Эта хронологическая сетка придает П. вид дневниковых записей, типичных для публицистики петровского времени, и ставит ее в один ряд с «поденными записками», «журналами» и мемуарной литературой конца XVII — начала XVIII в.

Скорее всего П. создавалась в Москве. В ней использован еще один, особый вид источников: работы известного петровского гравера голландца Адриана Шхонебека, принятого на царскую службу Ф. А. Головиным. История взятия Азова заканчивается текстом, заимствованным из подписи к гравюре «Взятие Азова», созданной Шхонебеком в 1699 г. (см.:

ГПБ, отдел эстампов, Э^{Пог Л}_{9—396}). На гравюре изображена панорама Азова

и расположение войск. На переднем плане помещен Петр со своими генералами и адмиралами — Шеиным, Лефортом, Гордоном, Головиным, которым инженер Тиммерман показывает карту азовских укреплений. Все объекты гравюры, в том числе и лица, помечены номерами, под которыми они поясняются в подписи. Эти номера перенесены и в текст П.

Далее автор переходит к событиям, происшедшим три года спустя после взятия Азова. Не касаясь поездки Петра в Европу, он очень кратко упоминает о постройке флота в Воронеже и об основании Таганрога. Более подробно изложена история морского похода каравана судов в Керчь в 1699 г. Она в основном заимствована из текста, сопровождающего карту Азовского моря, гравированную А. Шхонебеком в 1701 г. для адмирала

Ф. А. Головина. Оригиналом гравированной карты считается чертеж, сделанный участником похода капитаном корабля «Крепость» Ф. Памбургом (см.: Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 1. С. 345—346), однако текст Голикова не дает точного указания на участие в составлении оригинала именно Памбурга. В настоящее время известны две рукописные карты Азовского моря, не вполне идентичные, но близкие гравюре Шхонебека, — в ГИМ (см.: Незнамов П. А. Карта Азовского моря 1699 г. // Труды Государственного исторического музея. М., 1941. Вып. 14. С. 73—81) и РО БАН, № 20. На обороте экземпляра БАН французская подпись: «Carte de l'expédition sur la Mer d'Azow, entreprise l'an 1699 par Pierre le Grand. En cart[acterè] Russe» (см.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946. № 591. С. 375—376); текст с карты Шхонебека помещен не полностью. На рукописной карте ГИМ текста нет. Из текста гравированной карты в П. взяты названия судов и имена их капитанов; суда назывались: «Скарпиум», «Начанье благодатства», «Свет воинской», «Отворены врата», «Сила», «Мочь», «Буйство», «Без страху», «Святой апостол Петр», «Меркириус», две галеры — «Правда», «Заец стоячей». В работе С. Елагина, посвященной истории Азовского флота, названия судов, взятые из документов иностранных дел (Турецкие дела 1699 г. № 9. Св. 17), звучат несколько иначе (так, галеры называются «Периная тягота» и «Заячий бег»). Таким образом, новые виды искусства — гравировального и картографического — интересовали автора только в их документальной текстовой части, только как деловые «чертежи», послужившие наряду с военными донесениями источниками для его компиляции.

Подбор источников указывает на то, что автор П. был связан с деловой или, возможно, даже с дипломатической средой. Он хорошо представлял себе значение присоединения Азова как начала завоевания Россией выхода в Черное море. Он понимал связь событий. Укреплению на южных морских путях служила борьба за причерноморские крепости. Об этом шла речь на мирном конгрессе в Вене в 1698 г., где русские интересы представлял посол П. Б. Возницын (ПДС. СПб., 1868. Т. 9. Стб. 43—57, 115, 235—239, 258, 276, 326), и на мирных переговорах в Константинополе в 1699 г., которые вел начальник Посольского приказа Е. И. Украинцев. Керчинский поход Азовского флота, в котором принимал участие царь Петр, был предпринят как для разведки морского пути, так и для сопровождения до Керчи корабля «Крепость», на котором отправлялся в Константинополь Украинцев. То, что в рукописях вслед за П. помещались материалы посольства Украинцева, следует, по-видимому, считать авторским замыслом: посольство было закономерным завершением тех событий, о которых рассказывалось в П.

В словарях древнерусских авторов начиная с XVIII в. произведение, посвященное взятию Петром Азова и основанию Таганрога, атрибутируется боярину Алексею Семеновичу Шеину. «Шейн Алексей Семенович, боярин. Его сочинения Журнал о походе к Азову и о построении крепости Таганрога 1697 г. рукописною книгою хранится в императорской библиотеке» (Словарь исторический, или Сокращенная библиотека. М., 1798. Ч. 14. С. 161). В Словаре Евгения (М., 1845. Т. 2. С. 249) указано, что Журнал боярина Шеина о походе 1697 г. (!) к Азову и о построении крепости Таганрог напечатан в ДРВ и издан Рубаном в 1773 г. Боярина Шеина как автора приводит в своем словаре Будовниц со ссылкой на Евгения. Однако тексты, напечатанные Рубаном под названием «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. . .» (они же встречаются в рукописях ГПБ, F.IV.126; БАН, 32.6.24), и тексты в ДРВ (2-е изд. Т. 16) — не одно и то же. У Рубана приведены материалы типа разрядов с минимальным количеством повествовательного текста; в ДРВ помещены реляции и письма из-под Азова, и обе публикации не тождественны тексту П. К ней же боярин Шеин не может иметь никакого отно-

шения: он умер в 1700 г., в то время как автор воспользовался картой Шхонебека, опубликованной в 1701 г. Вообще имя Шеина упоминается в П. только дважды: в первом случае оно взято из подписи к гравюру Шхонебека, во втором — в кратком упоминании о походе из Воронежа к Азову в мае 1699 г.

П. известна в двух списках начала XVIII в. Список ГПБ, F.XVII.10, написанный в 1707 г. (см. запись на л. 570: «Писал Иван Васильев сын Валяев лета 1707»), происходит из библиотеки князя Дмитрия Михайловича Голицына в с. Архангельском (см.: Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. Истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 242). В конфискационной описи 1737—1738 гг. (ЦГАДА, ф. 340, оп. 1, д. 7, № 13984) рукопись эта значится под № 29. П. во многом соответствовала интересам Д. М. Голицына, бывшего в 1701 г. посланником в Константинополе и добывавшегося там свободного плавания русских судов по Черному морю. Кроме П., посольства Украинцева и материалов Северной войны в состав рукописи входят сочинения эсхатологического характера, типичные для старообрядческих сборников (Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся... в библиотеке... гр. Ф. А. Толстого. М., 1825. Шифр I. 251). Вторая рукопись ГПБ, Q.XVII.46 (см. то же Обстоятельное описание. Шифр II. 74) по своему репертуару ближе интересам светского делового круга: кроме П. и посольства Украинцева она содержит материалы Северной войны 1701—1704 гг., историко-географические отрывки, роспись монастырям и пр.

Оба списка можно считать идентичными, хотя есть несколько примет, говорящих о первичности текста в списке Q.XVII.46: в нем сохранились глухие ссылки на гравюры Шхонебека — «выписано из печатных государевых чертежей», с пометами на полях — «первой чертеж», «2-й чертеж»; в списке F.XVII.10 эти ссылки убраны, и взятый из гравюр Шхонебека текст органически включен в П. В нескольких случаях слова, написанные в списке Q.XVII.46 между строк, в F.XVII.10 внесены в текст. Таким образом, список F.XVII.10 представляет собой окончательную редакцию П.

Текст П. не опубликован.

Лит.: Елагин С. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 41—50, 124—137; Прил. Ч. 1. С. 429—446; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 91—96, 119—121; Ровинский Д. 1) Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 3. № 454. Стб. 1651—1653; 2) Подробный словарь русских гравюров 16—19 вв. СПб., 1895. Т. 2. № 23, 30. Стб. 1227—1228; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 432—459; Макаров В. К. Русская светская гравюра первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 220—221 (ротапринт).

М. Д. Каган

Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным дошла в составе трех летописцев середины XVII—XVIII в. неофициального характера в окружении сказочно-исторических повестей (*«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы»*, *«Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина»* и др.), а также в составе Латухинской степенной книги конца XVII—начала XVIII в. Читается в сборниках ГИМ, Музейское собр., № 3996; собр. Забелина, № 263; ГПБ, Q.XVII.252 и ИРЛИ, Пинежское собр., № 440. Старшим списком П. является список ГИМ, Музейское собр., № 3996, середины XVII в. Царь и великий князь Иван Васильевич, сообщает повесть, стоял под «градом Смоленском» в течение трех лет. На третий год осады к царю прибыл посланник от тверского архиепископа Евфимия и привез ему замок и ключ. Архиепископ благословлял царя и предлагал ему замыкать «тем замком и отмыкать клю-

чом Смоленск-град». Царь воспринял послание и дар как насмешку и хотел казнить архиепископа, но «божью помощью... люди посадецы град отворили и здалися царю гладные ради великие нужы». И тогда царь «той вины тверскому архиепископу отдаша». Как сюжет П., так и даты, под которыми она помещена в летописцах (1555, 1576, 1587, 1593 гг.), легендарны: П. находится среди известий, относящихся к царствованию Ивана Грозного (тогда как присоединение Смоленска к Русскому государству произошло при *Василии III* в 1514 г.). П. содержит реалии, позволяющие датировать ее временем после 1589 г. Есть основания полагать, что она была создана в 30-е гг. XVII в. — в годы борьбы Русского государства с польским королем за Смоленск.

Изд.: Салмина М. А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным // ТОДРП. Л., 1969. Т. 24. С. 192—195; Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 78—79.

М. А. Салмина

Повесть о видении во Владимире в 1611 г. — легендарно-публицистическое произведение кануна формирования Второго народного ополчения, написанное в традиционном жанре «видений».

В П. о в. отражена общая направленность патриотической агитации северных и поволжских городов, церковных проповедей и молитвословий, когда в августе—октябре 1611 г., после распада Первого народного ополчения, оккупации интервентами Смоленска (3 июня) и Новгорода (16 июля) и убийства (22 июля) *П. П. Ляпунова*, начиналось формирование Второго народного ополчения.

П. кратко передает рассказ о видении некоей Мелании, молодой жене владимирца Бориса, по прозвищу Мясник, в ночь с 24 на 25 августа 1611 г. («во 119 году»). Мелании явилась богородица в благословляющей позе: «в светлых ризах, поверх главы образ на руках держит велик и чуден велми». Богородица приказывает ей наутро проповедовать всем жителям города, «чтоб постилися и молилися со слезами», и дает обещание, что «бог услышит моление их, и отвратит праведный гнев свой, и победит врагов, борющихся и волнующих нас, и даст земли тишину и благодетельное житие». Не верящих и сомневающихся в ее предвещании победы над врагом богородица угрожала наказать «жаром» и «гадами», «жужелиц и червей множеством» и «змием превелики». Поскольку с первого раза Мелания не осмелилась всенародно рассказать о своем видении, оно повторилось, после чего владимирцы три дня постились, молились и, по указанию свыше, распространяли текст видения по другим городам («в ближние и дальние и во все грады писали»).

П. о в., так же как и «Повесть о видении в Нижнем Новгороде в 1611 г.», входила в состав «отписки» сольвычегодцев в Пермь от 9 октября 1611 г. и получила таким образом распространение в списках, пересылаемых по городам в составе грамот «из Ярославля и из иных городов» (под «иными» городами имеются в виду, вероятно, прежде всего Нижний Новгород и Владимир) и далее через Вологду, Великий Устюг в Сольвычегодск и в Пермь (ААЭ. Т. 2. № 199. С. 337; издателями Археографической комиссии копии текста П. опущены). Включенная в патристическую переписку, которую вели северные и поволжские города России в сентябре—октябре 1611 г., П. о в. выполняла агитационную функцию, способствуя подъему патриотического движения против иностранных интервентов, объединению растущих сил Второго народного ополчения путем религиозно-нравственного воздействия на сознание населения и проведению «по совету всей земли Московского государства, во всех городах, всеми православными народами» (ААЭ. Т. 2. № 199. С. 337) всенародного трехдневного поста.

С. Ф. Платонов отмечает историческую достоверность даты, указанной в П. о в. («августа в 24 день, против недельного дни»): согласно Археографическому словарю Горбачевского, 25 августа приходилось именно на воскресенье (Платонов. С. 158). Однако дата создания П. о в. связана не с церковными днями памяти богородицы. Принимая во внимание символику видения (образ богородицы, благословляющей на победу и угрожающей гибелью неверующим), приурочивание видения к 24—25 августа и последующее распространение П. о в. следует, по-видимому, связывать с получением нижегородскими посланцами согласия Д. М. Пожарского стать военачальником Второго народного ополчения. Именно в августе—сентябре 1611 г. посыльные из Нижнего Новгорода «многожды» приезжали к раненому Д. М. Пожарскому в его родовое поместье, расположенное в Суздальском уезде, для обсуждения вопросов, связанных с организацией Второго народного ополчения, а 28—30 октября 1611 г. Д. М. Пожарский уже прибыл для исполнения возложенных на него обязанностей в Нижний Новгород.

Исследователи единодушно отмечают литературную связь П. о в. с «Повестью о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия. Однако, хотя она и унаследовала от жанра «видений» традиционные символично-аллегорические образы (богородицы и другие) и прием противопоставления борющихся сил (сияния света как божественного начала — бесовским силам тьмы, в образе «гадов» и «змеев» и др.), ее зависимость от Повести протопопа Терентия выражена слабее, чем в «Повести о видении в Нижнем Новгороде» (Н а з а р е в с к и й. Очерки. С. 139).

Автор П. о в. неизвестен. Однако, судя по стилю его произведения, едва ли он духовного происхождения. Скорее всего он был из приказных дьяков, так как кроме заимствованных им книжных образов и приемов, традиционных для избранного им жанра «видений», повествованию его присущи демократизация образа повествователя (вместо благочестивого мужа — молодая посадская жена), использование образов русских народных сказок («И пахнув на мя рукавом своим, и абие попользе по земли и по мне много жужелиц и червей множество»), а также стиль, близкий стилю современных ему агитационных патриотических городских грамот своей деловитой лаконичностью и элементами просторечия.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 240—242; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 240—242; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 240—242.

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 199. С. 337; Платонов. С. 158—159; Прокофьев Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.: (Из истории жанров литературы русского средневековья): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М. 1949; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1964. Т. 231. С. 45—47; 3) Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII в. // Там же. 1966. Т. 248. С. 34—36; 4) Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Там же. 1967. Т. 256. С. 36—53; Назаревский. Очерки. С. 133, 139—142.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о видении человеку благочестивому в Нижнем Новгороде в 1611 г. Григория. Биографические данные о Григории отсутствуют: в самой П. говорится, что он «виде видение» в Нижнем Новгороде, но, согласно *«Летописцу Новому»*, «в Нижнем. . . мужа Григория такова не знаху» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 116), а из отписки сольвычегодцев пермичам (октябрь 1611 г.), к которой приложена П. Г., следует, что это произведение распространялось «из Ярославля и из иных городов» (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 247), т. е. Нижний Новгород в отписке не выделен.

П. Г. известна в трех списках, самый ранний из которых, Лихачевский (ЛОИИ, к. 238, № 11, л. 38—45), относится к 1611—1612 гг. (Е. Н. Кушева) или 10—20-м гг. XVII в. (В. И. Буганов, В. И. Ко-

рецкий, А. Л. Станиславский). Судя же по упомянутой отписке и «Новому летописцу», в 1611 г. П. пользовалась большой популярностью. В *«Летописце Пискаревском»* также отмечено, что о нижегородском видении «писаша во все грады русския» (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 217). Однако после окончания Смуты П. Г. — сочинение острого политического звучания, призванное к немедленному действию, — потеряла свою актуальность, чем и может объясняться малочисленность ее списков.

В приложении к отписке сольвычегодцев пермичам П. Г. представлена в первоначальном виде. В отдельных списках П. имеются еще вступление, отчасти заимствованное из сочинения протопопа *Терентия* «О видении некоему мужу духовну», и сообщение о времени, месте и обстоятельствах видения «человеку благочестиву, именем Григорью». Очевидно, что начало П. принадлежит не Григорию, а другому лицу. Остальной текст целиком посвящен нижегородскому видению 26 мая 1611 г. Написана П. не позднее лета этого же года, еще в то время, когда известие о захвате Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) не успело разнестись по всей России. Рассказ ведется автором П. в первом лице (в конце произведения читаем: «Аз я, многогрешный Григорий, виде видение се в Нижнем Новгороде»).

Судя по предисловию к П., видение было Григорию во время сна «во храме». Ночью ему показалось, что «шюкров храма того» исчез, и в сиянии небесного света он увидел бога, «сходяща во образ» людской, и человека в белых ризах, ставшего справа от него. По свидетельству автора, «всевышний» спустился с неба и сел на его «персех». Дальнейшее изложение ведется в форме диалога господина и его спутника. Сообщив о созыве в России «вселенского собора» с участием «от всея земли» духовных властей и всех «православных христиан», «белоризец» спрашивает господина, простит ли он русских людей. Условием прощения бог ставит всеобщее покаяние в грехах, пост и молитвы в течение трех суток без перерыва. Григорий передает и требование бога воздвигнуть храм в Московском государстве и освятить его «всем вселенским собором», а также обещание господина очистить Московское государство «от врагов иноплеменников». По П., бог велел соорудить новый храм «на Пожаре, близ Василья Блаженнова», принести туда икону Владимирской богородицы, поставить «на престоле» неажженную свечу и положить там бумагу «неписану». На все это отводилось три дня, на четвертый, предрекал господь, свеча загорится «от огня небесного, и колокола сами возвонят, а на бумаге будет написано имя, кому владети Российским государством» по божьей воле; если же царя поставят самовольно, власть нового государя останется непрочной и стране предстоит испытать горшие беды. В случае если русские люди не поверят этому слову, бог угрожал гибелью Российскому государству со всем его населением. Спутник господина призвал Григория послушать бога и проповедать его слово без боязни. Укрепляя решимость Григория, бог обещал уничтожить врагов, завладевших половиной Российского царства, и, напротив, наказать «сей град», если о его «явлении» не сообщат «в Московское государство и в иные грады», точнее, показать «знамение за неверие» нижегородцев — бурю на Волге.

П. о в., написанная в разгар борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией, носила агитационный характер. Ее вряд ли, подобно С. Ф. Платонову, можно расценивать лишь как показатель стремления «нравственно очиститься и покаянием получить избавление от бедствий», сильного якобы в русском обществе в годы Смуты. П. является не бесхитростным выражением обострившегося в лихолетье религиозного чувства, она преследовала политическую цель — предотвратить самовольное избрание нежелательного царя (Кушнев а. Из истории. С. 43, примеч.). В П. ясно звучат характерные для того времени мысли о необходимости избрания царя «всея землей», о том, что божья воля сказывается в единодушной людской. Григорий писал в период решающих сражений с поль-

ско-литовскими войсками под Москвой. В то время русские ополченцы добились успехов, чем, видимо, и объясняется оптимистический настрой П. Не случайно и то, что видение случилось в Нпжнем Новгороде. Этот город принял активное участие в создании Первого ополчения. Предвидя скорое освобождение столицы от оккупантов, автор П. стремился обеспечить всенародное избрание нового царя.

Сочинение Григория было знакомо составителям *Летописцев Пискаревского и Нового*; по мнению М. В. Кукушкиной, оно повлияло на *«Повесть о избавлении града Устюга Великого от безбожные литвы и от черкас, как с Двины шли»*.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 235—240; 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. С. 235—240, 951—956; 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. С. 235—240.

Лит.: Платонов; П р о к о ф ъ е в Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.: (Из истории жанров литературы русского средневековья): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1949; 2) «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. 1964. Т. 231. С. 35—56; Н а з а р е в с к и й. Очерки; К у к у ш к и н а М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374—387.

Я. Г. Солодкин

Повесть о Горе-Злочастии. Об авторе этого анонимного, сохранившегося в единственном списке XVIII в. произведения допустимо говорить лишь в том случае, если мы признаем этот памятник не фольклорным, а литературным, книжным. Хотя не раз раздавались голоса, утверждавшие, что «Горе-Злочастие» — попросту запись устно-поэтического текста, все же убеждение в его литературной природе бесспорно преобладает. При том что питательной средой П. были народные песни о Горе и устная лирика, все же индивидуально-авторское начало проявляется вполне отчетливо. Оно сказалось и в использовании книжных покаянных стихов, и в традиционном для средневековой культуры совмещении фольклорной темы с перспективой мировой истории в ее библейской трактовке: П. начинается с рассказа о первородном грехе, которому уподобляется поведение безымянного русского «молодца».

Проблема автора тесно связана и с проблемой датировки. В П. нет реалий, отсылающих к конкретным лицам и событиям. Единственный датирующий момент — нередкие нарушения стиховой модели в единственном списке П. (она, по определению М. Л. Гаспарова, написана «народным тактовиком» — тоническим стихом с колебаниями междудиктовых интервалов в диапазоне 1—2—3 слогов). Очевидно, что оригинал был значительно старше списка. Но какова длительность этого временного промежутка, установить трудно. Если основываться на формальных критериях, то П. можно было бы поместить в широкие хронологические рамки, включающие XVII в. и первые десятилетия XVIII в. В таком случае появляется возможность произвольных датировок (эту возможность использовал П. К. Симони, который, как сообщает в юбилейной заметке Г. Виноградов, в докладе в Пушкинском Доме в мае 1934 г. отнес П. к рубежу XVI—XVII вв. и атрибутировал ее московскому протопопу Терентию; не будем обсуждать эту гипотезу — и по причине ее экзотичности, и потому, что аргументация П. К. Симони нам не известна).

Однако датировка памятника в целом не вызывала сомнений. Те, кто его исследовал, сходились на том, что он принадлежит XVII в. Действительно, приметы этой «бунташной» эпохи, когда ломался старинный русский уклад, в П. налицо. Ее герой презрел заветы рода, стал «блудным сыном», отщепенцем, добровольным изгоем. Это один из самых характерных типов для XVII в., когда распадалась извечные родовые связи.

Эту датировку можно подкрепить и уточнить с помощью сравнительного анализа П. и прозы протопопа *Авеакума*. Начав свой рассказ с темы

первородного греха, автор П. о Г.-З. изложил не каноническую легенду, а версию апокрифов, расходящуюся с православной доктриной:

Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
 престился Адам со Еввою,
 позабыли заповедь божью,
 вкусили плода виноградного
 от дивнаго древа великаго.

Из Библии не ясно, что представляло собою заповедное дерево «добра и зла». В отождествлении его с яблоней есть известное вольнодумство — такое же, как в отождествлении с виноградной лозой, которое характерно для народной фантазии и восходит к временам богомилства. По народной традиции, первые люди «вкусили плода виноградного», бог изгнал их из Эдема, а вино проклял. Поэтому Христу, «новому Адаму», искупившему грехопадение Адама «ветхого», пришлось и с вина снять осуждение. Христос сделал это на брачном пиру в Кане Галилейской, претворив воду в вино.

«Невинно вино — виновато пьянство» — эта известная по сборникам XVII в. поговорка точно выражает древнерусскую точку зрения на хмельное питье. Человек должен ограничиваться тремя чашами, которые узаконили святые отцы, — теми, что выпиваются за монастырской трапезой во время пения тропарей. В соответствии с этим родители наставляют молодца из П. о Г.-З.: «Не пей, чадо, двух чар заедину!». Молодец не слушается их, как не послушались творца Адам и Ева.

Такое же параллельное изображение первых людей и русских грешников XVII в. находим у Аввакума в «Снискании и собрании о божестве и о твари и како созда бог человека» (цит. по: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Отв. ред. В. И. Малышев. Л., 1975. С. 103—104). Идея прямого подобия изложена Аввакумом очень похоже на П. о Г.-З.: Ева, «послушав змии, ко древу приступи, взем грезн, и озоба его, и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, умы слабкие, слова между собою лстывые; оне упиваются, а дьявол радуется. Увы невоздержания тогдашнева и нынешнева!.. Оттоле и до днесь слабоумные так же творят, лестию друг друга потчивают, зелием неразтворенным, еже есть вином пропеченным. . . А после друга и посмевают упившагося. Слово в слово бывает, что в раю при Адаме и при Евве, и при змее, и при дьяволе».

Обличения пьяниц и картины пьянства Аввакум, конечно, мог найти и не в П. о Г.-З.: в литературном обиходе XVII в. было множество сочинений на эту тему, в прозе и в стихах. Но изображение первородного греха как пьянства — явление в книжности чрезвычайно редкое. «Древо виноградное» в П. о Г.-З. и «смоковь красная» у Аввакума — примерно одно и то же для русского человека той эпохи, потому что «смоковь» означает винную ягоду. Можно предположить, что Аввакум знал П. о Г.-З. В таком случае П. возникла не позже 1672 г., когда было написано «Снискание и собрание» протопопа Аввакума.

Это дает нам (разумеется, предположительно) *terminus ante quem*. Однако *terminus post quem* остается неизвестным. Судя по ментальности памятника, он создан после Смуты, когда темы индивидуальной судьбы, «отцов и детей», «блудного сына» стали излюбленными темами русского искусства.

Обычно пишут, что молодец подпал под власть Горя из-за «слова похвального», когда он на пиру похвастался нажитым богатством.

А всегда гнило слово похвальное,
 похвала живет человеку пагуба!

Тогда-то и приметил его Горе-Злочастие, так как «хвастанье» пагубно и с церковной точки зрения (это «киченье», разновидность гордыни, первого из семи главных грехов), и с точки зрения народной: в былинах богатыри никогда не хвастают, а редкие случаи хвастовства вызывают самые тяжелые последствия. Но после «хвастанья» Горе лишь приметил подходящую жертву. Власть же над героем оно получило тогда, когда заставило его отказаться от невесты, привидевшись во сне архангелом Гавриилом. Персонаж этот введен в П. не случайно: в Евангелии он приносит Марии благую весть о рождении сына, о том, что Мария избрана «невестой невестной», а в П. отвращает героя от брака, от «рождения человеческого и . . . любимых детей». Эта деталь показывает, как умело манипулировал безымянный автор и устной поэзией, и апокрифами, и Писанием.

По своим воззрениям автор П. — консерватор; он всецело за верность родовому началу, идеалам Измарагда и Домостроя. Но в авторской позиции есть замечательная и новая для русской литературы черта: он не довольствуется ролью обличителя, он сочувствует падшему герою. Автор считает, что человек достоин сочувствия просто потому, что он человек, что он несчастен, пусть он погряз во грехе. Это гуманистическая и новаторская концепция.

Изд.: Срезневский И. И. Старческая повесть о Горе и Злочастии // ИпОРЯС. 1856. Т. 5, вып. 2. С. 401—412; Костомаров Н. И. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение // Современник, 1856. № 3. Отд. 1. С. 49—68; ПЛ. Вып. 1. С. 1—8; Буслаев. Историческая хрестоматия. Стб. 1367—1383 (то же во 2—12-м изд. «Исторической хрестоматии»); Буслаев. Русская хрестоматия, 1917. С. 186—203; Горе-Злочастие. Повесть о Горе и Злочастии, с приложением народных былин о горюшке и добром молодце и других. М., 1864; Цветков А. Образцы древней русской словесности. СПб., 1879. С. 304—313; Глазун И. Древнерусские повести и романы. СПб., 1895. С. 67—79; Марков Н. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. Елизаветград, 1896 (пер. повести на современный русский язык); Симоны П. К. 1) Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин // ИОРЯС. СПб., 1903 (фототипическое изд.); 2) Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века // СОРЯС. СПб., 1907. Т. 83. № 1. С. 1—88; Сиповский. С. 1—13; Дунаев Б. И. Библиотека старорусских повестей. М., 1914. Вып. 2; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 299—313 (то же в других изд. «Хрестоматии»); Крипиль. Русская повесть. С. 103—115; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текста и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 33—44 (Б-ка поэта. Больш. сер.); Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 597—608.

Лит.: Костомаров Н. И. 1) Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение // Современник. 1856. № 3. Отд. 1. С. 49—68; 2) О мифическом значении Горе-Злочастия // Там же. № 10. Отд. 1. С. 113—124 (то же // ПЛ. Вып. 1. С. 12—18); Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. Древнее стихотворение // РВ. 1856. Т. 4, июнь, кн. 2. С. 5—52; июль, кн. 2. С. 279—322 (то же // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Русская народная поэзия. СПб., 1861. Т. 1. С. 548—643); Пыпин. Очерк. С. 293—295; Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах // Древности. Слав. Т. 1. вып. 2. С. 153—196 (то же // Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 189—243); Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 392—421; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 50—54; Петров Н. И. Южнорусские легенды (библиографическая заметка) // ТКДА. 1877. № 3. С. 556—557; Веселовский. Памятники. Т. 1. С. 474—480; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха: (X. Западные легенды о древе креста и Слово Григория о трех крестных древах; XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян; XXIII. К развитию народных представлений о Доле) // СОРЯС. СПб., 1883. Т. 32. № 4. С. 396—409; СПб., 1889. Т. 46. № 6. С. 249—260; СПб., 1891. Т. 53. № 6. С. 167—183; Миллер В. Ф. Былины об Иване Гостинном сыне // ЖМНП. 1896. № 4. С. 276—306 (то же // Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. С. 247—254); Соин А. И. Горе и Доля в народной сказке // Еранос: Сб. в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906. С. 362—425; Марков А. В. Повесть о Горе-Злочастии // Живая старина. СПб., 1913. Вып. 1—2. С. 17—24; Сумцов Н. Ф. Злыдни в бочке: К сказаниям о заключенном бесе // Сб. в честь 70-летия Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 59—67; Соболев-

ский А. И. Повесть о Горе-Злочасти // Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1917. С. 186—203; П и к с а н о в Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 63—65; П е р е т ц В. Н. Українська паралель до повісті «Горе Злочасті» // Україна. 1924. Кн. 3. С. 23—24; Л у г о в с ь к и й Б. З приводу «Української паралелі до повісті „Горе-Злочасті“» акад. В. Н. Перетца // Україна. 1926. Кн. 1. С. 43—50; Б е л я е в М. В. Из литературной истории русских народно-эпических представлений // Изд. Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Общ. науки / Под ред. А. В. Багрия. Баку, 1926. Т. 6—7. С. 49—61; Р ж и г а В. Ф. Повесть о Горе и Злочасти и песни о Горе // Slavia. 1931. Roč. 10. Seš. 1. С. 40—66; Seš. 2. С. 288—315; В и н о г р а д о в Г. 75-летний юбилей П. К. Симона // Советский фольклор: Сб. статей и материалов (1935) / Ред. М. К. Азадовский. М.; Л., 1936. № 2—3. С. 457—460; Л ь в о в А. С. Темные места в Повести о Горе и Злочасти // Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та. Гуманитарные науки. 1944. Вып. 1. С. 62—76; А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 80, 86, 94—97; М а л ы ш е в В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочасти»: (Стих «покаянный» о пьянстве) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 142—148; Л и х а ч е в Д. С. 1) Повесть о Горе-Злочасти // ИРЛИ. Т. 2, ч. 2. С. 207—221; 2) Иносказание «жизни человеческой» в «Повести о Горе-Злочасти» // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 25—27; 3) Повесть о Горе-Злочасти // Истоки беллетристики. С. 454—457; М а з о н А. Горе Злочастіе, Malheur-Mauvais Destin // Revue des études slaves. Paris, 1951. Т. 28. Р. 17—42; С к р и п и л ь М. О. Повесть о Горе-Злочасти // С к р и п и л ь. Русская повесть. С. 400—417; H a r k i n s W. S. Russian Folk Ballads and the Folk of Misery and III Fortune // American Slavic and East European Review. Philadelphia, 1954. Oct., V. 13. N 3. Р. 402—413; В и н о г р а д о в а В. Л. Повесть о Горе-Злочасти: (Библиография) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 622—641; П у т и л о в Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочасти» // Там же. С. 226—235; Н а з а р е в с к и й А. А. К изучению «Повести о Горе-Злочасти» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 199—204; Г а с п а р о в М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974. С. 369 и след.; П а н ч е н к о А. М. 1) Протопоп Аввакум как поэт // ИОРЯС. 1979. Т. 38. № 4. С. 307—308; 2) Повесть о Горе-Злочасти // ИРЛ III. Т. 1. С. 384—390.

А. М. Панченко

Повесть о городах Таре и Тюмени (1636—1642) сохранилась в единственном дефектном списке XVII в. (ГБЛ, Музейное собр., № 3189), не имеющем начала и заглавия, поэтому название, под которым она известна в литературе, условно. П. рассказывает о сибирских событиях 1634—1635 гг.: о нападении татар и «колмак» на г. Тару, разорении его и героической вылазке горожан, разгромивших войско калмыцкого тайши; о заговоре сосланных в Томск и другие остроги «литовских людей», намеревавшихся поджечь город и овладеть им, но выданных одним из заговорщиков; наконец, об опустошительном набеге на Тюмень в январе 1635 г. Отдельные эпизоды П. «связаны между собою только слабо выраженной хронологической последовательностью и территориальным единством» (С п е р а н с к и й М. Н. Повесть о городах. . . С. 14), но вся она объединена общей идеей отстаивания русской Сибири. Острая публицистическая направленность позволяет поставить П. в ряд историко-публицистических сочинений второй половины XVI—начала XVII в. Источниками для нее послужили *Есиповская летопись*, Повесть о неседальном, *Казанская история*, повести об *Азовском сидении*, о *Мамаевом побоище*, о *Динаре царице*, Плач о падении Царьграда из *Хронографа* 1512 г., *Троянская история Гвидо де Колумна*. Стилистика П. полностью выдержана в традициях так называемых воинских повестей.

Автор П. неизвестен; по прорывающимся у него формам рассказа от первого лица можно думать, что он жил в Томске или временно там находился (С п е р а н с к и й М. Н. Повесть о городах. . . С. 15—16). М. Н. Сперанский высказал предположение, что автором П. мог быть Савва Есипов, чья летопись послужила одним из ее источников. Стилистические особенности памятника и система цитации литературных образцов в П. также необычайно близки манере С. Есипова. Однако этого недостаточно, чтобы безоговорочно считать его автором П., тем более что у нас нет никаких сведений о возможном пребывании Есипова в Томске.

Изд. С пер а н с к и й М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // ТК. С. 13—32.
Лит.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1892—1894 гг. М., 1894. С. 37—38; О р л о в А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 344—379; Протокол 96-го заседания Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества (14 ноября 1907 г.) // Древности. Слав. Т. 5. С. 16—18 (изложение доклада С. О. Долгова и прений); Р о м о д а н о в с к а я Е. К. 1) Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 26—32; 2) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 125—137.

Е. К. Ромодановская

Повесть о графине Альтдорфской — переводное произведение XVII в. В русских рукописях, как и в польских изданиях, с одного из которых был сделан в XVII в. перевод, П. о гр. А. следует за *Повестью о цесаре Оттоне и Олунде*. Поскольку злоключения Олунды были вызваны тем, что королеву, родившую двойню, обвинили в неверности мужу, польский переводчик П. Мартин Сенник счел уместным для полного оправдания героини поместить в конце романа небольшие повести, доказывающие, что рождение близнецов не свидетельствует об измене мужу. Одна из них рассказывает о графине Альтдорфской Катилине, родившей 12 близнецов.

Где, когда и при каких обстоятельствах появился оригинал П. о гр. А., кто был ее автором — неизвестно. Ю. Кжижановский (*Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1966. С. 64) считает, что П. о гр. А. заимствована Мартином Сенником из каких-то немецких хроник. По его мнению, П. о гр. А. относится к группе многочисленных геральдических повестей-легенд, создававшихся в средние века вокруг гербов знатных западноевропейских фамилий (ср., например, Повесть о Брунцвике), и была написана с целью объяснить, почему графы Альтдорфские именуются Гвельфами, что значит «выжлецы», и имеют в своем гербе голову собаки. Есть основания предполагать, что сюжет П. о гр. А. сложился в Италии (см. об этом: Державина. С. 365—366).

О. А. Державина отмечает существование двух вариантов русской П. о гр. А.: один в списках ГПБ, собр. Погодина, № 1771 и ГБЛ, ф. 152, № 5 (оба конца XVII в.), а другой — в списках БАН, 31.11.7 и ГПБ, собр. Погодина, № 1770 (оба XVIII в.). Различие этих вариантов в основном стилистическое. В списках XVIII в. изложение более сжатое, язык опрощен. Сюжет П. о гр. А. был знаком русскому читателю и по сборнику «Великое Зерпало», переведенному в XVII в. с польского языка. Приклад 8-й из главы 38-й этого сборника (см., например, в рукописи ГБЛ, ф. 98, № 1643, л. 130 об.—131) представляет собой, по мнению О. А. Державиной, краткий вариант П. о гр. А., а другой рассказ этой же главы — еще одну обработку этого сюжета (см. в рукописи ГБЛ, ф. 98, № 1649, л. 126, прилог 7). Все рассказы 38-й главы, названной «О детищах и отрочатех» (в польском сборнике — «Dziecieie»), были заимствованы составителем польского сборника «Великое Зерпало» («Wielkie Zwierciadlo Przekladow») из латинских средневековых сборников. В XVIII в. сюжет П. о гр. А. послужил материалом для лубочной повести (см.: И в и н Ив. О народно-лубочной литературе // Русское обозрение. 1893, сент.—окт. № 9—10. С. 242—260, 768—785).

Следует отметить, что раньше, чем П. о гр. А. появилась в русском переводе, она была переведена на Украине. В 1660 г. священник Григорий из Шаргорода, составляя свой известный сборник «Библия малая» (который по его замыслу должен был быть энциклопедией народного чтения), включил в него переведенную с польского Повесть о цесаре Оттоне и Олунде вместе с П. о гр. А. (Об этом переводе см.: Петц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украин-

ской литературы XVI—XVIII вв. // СОРЯС. Л., 1926. Т. 101. № 2. С. 101—139; Маслова О. М. Повісті про кесаря Оттона і про графиню Альтдорфську в українській літературі // Радянське літературознавство. 1948. № 9. С. 162—166; Деркач Б. А. Перекладна українська повість XVII—XVIII століть. Київ, 1960 (с публикацией текста «Истории о графине Альтдорфской» по списку ГБЛ, ф. 310, № 527)). В 1744 г. П. о гр. А. была переведена на украинский язык второй раз — С. В. Лукомским (см. работы О. М. Масловой и Б. А. Деркача).

Изд. Державина О. А. Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 376—381.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) О романах в старинной русской литературе // Современник. 1854. Т. 48. № 12. Отд. II. С. 94—95; 2) Пыпин И. Очерк. С. 241—242; Верпаськи Л. Przyczynki do dziejów dawnej powieści polskiej // Pamiętnik literacki. Lwów, 1903. Rocz. 2. S. 580—581; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 149—150; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 384—385; Назаревский И. Библиография. С. 43; Мажек Е. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 34—35, 38—39, 53 и др.

Л. В. Соколова

Повесть о двух посольствах — произведение литературно-публицистическое — возникла на рубеже XVI и XVII вв. Темой ее послужили подлинные посольства времени *Ивана IV* — в 1570 г. посольство Андрея Ищеина-Кузьминского к турецкому султану в Константинополь, в 1576 г. князя Захарии Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева к Максимилиану II Габсбургу в Регенсбург, в 1577—1578 гг. Ждана Квашнина к цесарю Рудольфу в Вену. На этой исторической основе были созданы вымышленные (как их принято было называть, «подложные») статейные списки. На самом деле эти тексты не были подложными документами, а представляли собой новую форму публицистического произведения, использующего формулы, язык и стиль делового документа в литературных целях.

Стержнем П. о д. п., состоящей из трех в известной мере самостоятельных частей, служит тема титулов. Русский посол Андрей Ищеин послан к султану с жалобой на его «посаженника» — вассала, крымского хана, который, нарушив крестное целование, пришел на Русь войной и сжег Москву (имелся в виду набег на Москву Девлет-Гирея в мае 1571 г.). Турецкий султан угрожает царю тем, что велит «Русь пленить» и «Москву засесть», а русского царя взять в плен. В ответ на оскорбительные речи Андрей Ищеин кидается на султана «з будеем» — кинжалом. Султанские паши, схватив посла, приговаривают его к казни — «скинуть с полаты», однако султан «не велел его вредить ничем» и поставил его смелый поступок в пример своим приближенным: «. . . тако за своего государя изволил умерети, и вы мне тако ж служите и за меня умирайте». Посольство закончилось мирно, но султан упрекнул русского царя за неверное титулование: он одинаково титулует и турецкого султана и зависимого от него крымского хана и «тем себя безчестит». Посольство к цесарю Максимилиану послано затем, чтобы узнать, «коим обычаем» пишет свои титулы турецкий султан к европейским государям. Если рассказ о посольстве Ищеина построен на речах посла и султана, то рассказ о посольстве Сугорского к цесарю Максимилиану — это описание города «Ведны», императорского дворца с его островерхими крышами, крытыми полосами блестящего металла, с мраморным крыльцом и расписными стенами, цесарского двора с его придворным этикетом, самого цесаря, представленного в П. 109-летним старцем и пророком. Цесарь принимает русского посла с великою честью, передает ему слова мудрых философов об Иване Грозном, «что он подобен храбростью и ратью Александру царю Макидонскому», «возрастом и досужеством» — царю Константину. Однако Максимилиан предсказывает, что в Русской земле будет

«смятение великое» из-за несогласия властей, которое продлится лет десять. Наряду с фантастическими деталями в этом рассказе есть и реальная историческая основа — довольно точно изложены в вопросах цесаря и ответах посла все события Ливонской войны, с ее успехами и последующим поражением. К пророчеству Максимилиана примыкает и его рассказ о «подручнике» Михаиле, вырезанном из чрева мертвой матери, очень близкий к некоторым апокрифическим текстам. Максимилиан предсказывает, что спасенный в разрушенном землетрясением городе Мелхиле и воспитанный им Михаил станет царем в «великой области». Если трудно представить себе, кто имелся в виду под этим именем в момент создания П., то несомненно, что впоследствии читатели видели в нем намек на *Михаила Романова*, избранного на царство в 1613 г.

Как и в рассказе о посольстве Ищенина, в рассказе о посольстве Сугорского турецкая тема занимает немалое место. Ей посвящена Кипрская история — рассказ цесаря Максимилиана о том, как обманул турецкого султана «посаженник» цесаря кипрский царь, обещавший отдать турецкому султану остров Кипр в обмен на «языйские», «антиохийские», «вавилонские», «индейские» страны. Получив же от султана грамоту с 16 золотыми печатями и великие дары, послал ему карту острова Кипр, разбил посланные на Кипр войною турецкие войска. Эту грамоту с титулами султана вместе с царскими регалиями — скипетром, диадемой и порфирой — посылает цесарь русскому царю. Турецкая тема рассказа о посольстве Сугорского опирается на подлинные исторические события, ибо именно с посольством Сугорского и Арцыбашева связывали Габсбурги надежду на заключение широкого общеевропейского союза против турок.

Третья часть П. — обмен дипломатическими грамотами между русским царем и турецким султаном. Царь посылает верительную грамоту, в ответной грамоте султана ставится вопрос о происхождении и родословии русского царя и о враждебных отношениях между ним и султаном.

П. о д. п. целиком посвящена темам дипломатических отношений, вопросам внешней политики русского государства. В основе ее лежат подлинные дипломатические документы — статейные списки, верительные грамоты, тексты грамот, присланные в XVI в. крымскими ханами. Использование формы документов в литературно-публицистических целях продолжает традиции публицистики XVI в. Но если челобитные *Ивана Пересветова* и послания царя Ивана Грозного были одновременно и документами и публицистическими произведениями, рассчитанными на широкий круг читателей, то в XVII в. документальная форма полностью теряет свое деловое назначение, становясь литературным приемом, придающим вымышленному содержанию авторитет достоверности.

П. о д. п. относится к жанру посольских повестей, предшественниками которых в древнерусской литературе можно считать «Слово о Вавилоне» и «Сказание об Индийском царстве». Политические идеи П. очерпнуты в государственной теории «Сказания о князьях Владимирских» и в политической доктрине «Москва — третий Рим», сформулированной в сочинениях старца *Филофея*. П. о д. п. непосредственно восходит к политическим идеям челобитных Ивана Пересветова, текст которых, по всей видимости, был знаком ее автору, так как в П. присутствуют очевидные пересветовские реминисценции — Максимилиан передает мнение мудрых философов о царе в тех же выражениях, в каких это делает Петр Волошский, воевода у Пересветова.

Из современных П. произведений очень близко к ней по теме и по жанровым признакам «Сказание о Кипрском острове», в котором применяются те же, что и в П., повествовательные клише, вплоть до текстуральных совпадений в ряде мест — в сцене морской бури, в описании порта, в изложении военных и дипломатических столкновений с турецким султаном.

Другим источником, оказавшим литературное влияние на композицию П., является фольклор. Так, центральный эпизод смелого посольства Андрея Ищеина, совпадающий с аналогичным эпизодом посольства Захария Тютчева к Мамаю в распространенной редакции «*Сказания о Мамаевом побоище*», восходит к устному преданию «Про Мамаю безбожного», в котором так же смело ведет себя перед Мамаем посол Дмитрия Донского — Захария Тютрин. Подобные мотивы встречаются также в русских былинах и исторических песнях.

Антитурецкая публицистика Западной Европы, распространявшаяся в печатных брошюрах, отразилась в записках иностранцев, живших в России в XVI—XVII вв. У Генриха Штадена, Исаака Массы, Конрода Буссова, Самюэля Коллинза встречаются рассказы о дерзких посланиях турецкого султана или крымского хана русскому царю и об издевательских подарках, отправленных в ответ, о смелом поведении послов при дворе Ивана Грозного. Возможно, что подобные рассказы бытовали в посольской среде в качестве устных легенд, составляли своеобразный «посольский фольклор», который и был использован в П. о д. п.

П. о д. п., несомненно, возникла в среде Посольского приказа, ставшего в XVII в. своеобразным литературным центром. Автором ее был кто-то из служащих этого учреждения. В П. видны его профессиональные знания политической обстановки в Европе и международной политики Русского государства в XVI—начале XVII в. Он использовал привычные для него форму и стиль деловых документов. В документально-публицистической форме автор выразил и свое отношение к внутриполитическим преобразованиям, происходившим в этот период. По-видимому, он полностью разделяет политические взгляды Ивана Пересветова, который ратовал за сильную централизованную царскую власть, выражавшую интересы служилого дворянства. Героем П. выступает незнатный человек Андрей Ищеин, готовый пожертвовать жизнью за честь своего государя. Продворянская политика Ивана IV охарактеризована в П. очень лаконично, всего одной, но содержательной фразой: государь «на бояр своих кручинился», «и учал государь с тое поры прибирать своих дворян думных, всякия думы наперед с теми думаеть, то ж и з бояры сидит». И хотя институт думных дворян, сложившийся в период oprичнины, вовсе не был мероприятием, проведенным в интересах всего дворянства, а только сменил у власти аристократическую боярскую верхушку не менее привилегированной группой преданных царю выходцев из неродовитого дворянства, тем не менее автор П. расценивал это как антибоярскую политику царя. Отсюда и его отношение к Ивану Грозному как к великому и независимому самодержцу и сравнение его с идеальными монархами средневековой публицистики — Александром Македонским и Константином Великим.

П. о д. п. распространялась в списках на протяжении XVII и XVIII вв. Ее рукописная традиция насчитывает четыре редакции. Первая редакция, краткая, известна в списках начала XVII—XVIII в. и представляет собой текст наиболее ранний. Списки этой редакции на протяжении XVII в. претерпевают некоторые изменения, не влияющие, однако, на смысловое и стилистическое содержание редакции. Вторая редакция, распространенная, возникла вскоре после появления краткой редакции П. о д. п. Ее ранние списки также датируются началом XVII в. Распространенной эта редакция названа потому, что ее текст несколько увеличен за счет стилистического распространения фраз. Однако эти распространения имеют четкое смысловое направление. Изменения второй редакции оттеняют пышность дипломатического титулования, вводят фантастический титул цесаря, подчеркивают родство цесаря и русского царя, вносят новые детали в описание придворного этикета, касаются сведений административного, сословно-иерархического порядка при дворе цесаря, уточняют военные, политические, дипломатические справки в сообщениях

послов. Эти изменения весьма существенны для памятника, имитирующего форму дипломатического документа, и по направленности дают основания определить вторую редакцию по содержанию как этикетно-дипломатическую. Текст списков распространенной редакции, датирующихся началом XVII—XVIII в., делится на пять текстологических групп, каждая из которых отличается своими экспрессивно-повествовательными особенностями, характеризующимися в основном отходом от лаконичного документального стиля и приобретением повествовательных черт, свойственных повестям XVII в.

Во второй половине—конце XVII в. возникают третья и четвертая редакции П. о д. п.: третья — на основе текста распространенной редакции, четвертая — на основе текста третьей редакции. В младших редакциях тема посольств теряет свое значение, уступая место теме пророчества. В центре повествования оказывается пророчество цесаря Максимилиана: «Тако же и у вас во царстве смияние будет, а после царя вашего рука будет высока и обладает всем и скончается в век» (т. е. будет существовать до конца света). В третьей редакции сказано, что смута в русской земле начнется воцарением самозванного царя «от мала рода и конюшего боярства», а закончится тем, что из рук бога власть получит законный наследник, родич Ивана Грозного, «останок царского роду вашего царя, в детстве убо ни во что же вменен». Читатели без труда узнавали в первом *Бориса Годунова*, во втором — *Михаила Романова*. Третья редакция — сочинение антигодуновское, несущее на себе печать идеологии новой династии Романовых, стремившихся доказать законность наследования ими русского престола.

В четвертой редакции смена властей в Смутное время изложена более подробно. Начиная с «брата» Максимилиана царя Ивана, автор дает характеристику последующим царям, не называя их по имени: Федор — «кроток зело и без свирепства», Борис Годунов — «конюший боярин», «злокозньством той восхитит царский престол», Григорий Отрепьев — «от последних некто вскочит, яко пес, на царский престол» и «вскоре зле живот свой извержет», Шуйский — честный и знатный, но несчастливый на престоле из-за междоусобных браней и мятежей, Михаил Романов — «той преполовит дни своя во благоденствии и кротости и многими окрестными странами почитаем будет кроме меча», сын его *Алексей* «яко буй вол будет на царстве, напрасно многия страны и орды под свою руку мечем подклонит». Эта отрицательная характеристика царя Алексея свойственна для старообрядческой четвертой редакции. Сборники, ее содержащие, по своему репертуару и происхождению связаны со старообрядческой средой, в которой царь Алексей наряду с патриархом Никоном считался предшественником Антихриста.

Интерес русского читателя к жанру пророчеств, к которому относятся младшие редакции П. о д. п., связан с изменениями в жизни общества и ломкой привычного уклада и быта на рубеже XVII и XVIII вв. — в преддверии петровских преобразований.

Особой обработке подвергся текст П. о д. п. при включении ее в летописные компиляции XVII в. В сложную летописную компиляцию первой половины XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 184) попал текст распространенной редакции; в летописную компиляцию, основанную на выборках из *Никоновской летописи* (ГПБ, собр. Погодина, № 1408), — текст краткой редакции; в летописно-хронографическую компиляцию второй половины XVII в. (ГПБ, Ф. XVII. 17, рукопись, принадлежавшая Арсению Суханову) — третья редакция. В каждом из этих случаев текст П. (иногда в расчлененном виде, помещенный под соответствующими годами) композиционно и стилистически приспособлялся к структуре и повествовательным особенностям летописного изложения.

Текст П., а именно центральный эпизод рассказа о посольстве Ищеина — его покушение на султана, — послужил источником для другого

сочинения (о вымышленном посольстве Шарапа Веригина), дошедшего до нас всего в нескольких списках второй половины XVII в.

П. о д. п. пользовалась известной популярностью у читателей и переписчиков XVII в. на что указывают и несколько десятков списков, и ее богатая литературная история. Возникшая на грани деловой письменности и литературы, она ознаменовала появление нового жанра посольских повестей, сыгравшего определенную роль в развитии русской литературы XVII в.

Изд. Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 218—254.

Лит.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М.; Л., 1958. С. 236, 251, 440—441, 476; Лихачев Д. С. 1) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 50—51; 2) Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 54, 70—71, 130—133, 162—163; Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // ВЯ. 1969. № 6. С. 24; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 3—4, 25—26, 54; Каган М. Д. Посольские повести: (Из истории литературной деятельности Посольского приказа в начале XVII века): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1978.

М. Д. Каган

Повесть о Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле (именуется в разных списках также: «Сказание о трех царей: Оркадии, о царе Несмеяне Гордом и о царе Борзосмысле Дмитриевиче», «Сказание-повесть о царе Борзосмысле Дмитриевиче и о мудрых его загатках», «Слово о богатом купце и о сыне премудром и о рабе его», «Сказание рускаго купца Дмитрия, како божим повелением уби нечестиваго царя. . .», «Повесть о киевском купце Дмитрия и о семилетнем его сыне Василии», «Повесть о некоем купце богобоязливом и о детище его» и др.) — повесть, созданная русским книжником на основе популярного «мирового сюжета» о жестоком правителе, загадывающем трудные загадки, и о подставном лице, мудром «простаке», отгадывающем их вместо того, кому они были заданы (анекдот об «императоре и аббате»; по международной классификации А. Аарне — сюжет № 922). В П. о Д. Б. роль жестокого правителя играет царь Несмеян Гордый, а мудрого «простака» — сын купца Басарги семилетний Борзосмысл.

П. о Д. Б. дошла до нас в нескольких десятках списков XVII—XIX вв. (наиболее ранний список начала XVII в., находившийся в Соловецком монастыре, был известен исследователям до 1915 г., но местонахождение его в настоящее время неизвестно), в связи с чем ее иногда относят к XVII в. Однако такая датировка не представляется обязательной. Целый ряд литературных памятников весьма древнего происхождения (например, переводной роман о Дигенисе Акрите — «Девгениево деяние») дошел также в списках не ранее XVII в.; в рукописной традиции большинства произведений светской беллетристики наблюдается характерный перерыв в XVI в. Дошедшие до нас списки П. о Д. Б. распадаются на несколько редакций, причем древнейшей из них может считаться «антиохийская редакция», в которой купец Басарга с сыном попадает в Антиохию, где царствует царь «латинянин» Несмеян. Антиохия в Малой Азии была захвачена католическими крестоносцами в конце XI в., борьба за Антиохию между «латинянами» и православными (Византией) происходила в XII—XIII вв. С конца XV в. на Ближнем Востоке началось наступление турок; в начале XVI в. они завоевали Антиохию. Ситуация, описанная в П. о Д. Б., с этого времени совершенно не потеряла свою актуальность; очевидно, П. была создана до конца XV—начала XVI в. С этим же периодом связывают П. о Д. Б. и ее «антилатинский пафос», близость ее к «писаниям, еже на латыню» и к легендарно-политическим повестям

времени складывания Русского государства («Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о Вавилоне» и т. д.).

Важной особенностью П. о Д. Б. является явная и заведомая вымышленность героев П.: купец Дмитрий Басарга (от турецко-болгарского «базарган» — купец), его сын Борзосмысл, царь Несмеян Гордый — все они явно не исторические, а скорее сказочные персонажи. Такие персонажи не были совершенно неизвестны русской литературе XV в. (три отрока в «Повести о Вавилоне», безымянный старец из «Повести о старце, просившем руки царской дочери», сказочные звери в переводных повестях, например в «*Стефаните и Ихнилате*»), но представляли собой довольно редкое явление в письменности того времени. Традиционным нормам литературного этикета противоречило и поведение персонажей. Борзосмысл был не по-детски мудр, но, в отличие от житийных героев, он вовсе не обнаруживал отвращения к «играм детским» и «пустошным забавам»: когда его отец пришел на корабль с печальной вестью о приказе царя Несмеяна решить три загадки или обратиться в «латинство» под угрозой смертной казни, сын его скакал на палубе верхом «на древце» (палочке), «яко на кони».

Связь П. о Д. Б. с беллетристическими памятниками, появившимися на Руси в XV в., обнаруживается в центральной сцене П. — когда юный Борзосмысл вместе с отцом и рабом являются к Несмеяну, для того чтобы разгадать загадки: царь приказывает поднести каждому из пришельцев по чаше с медом; Борзосмысл и его спутники не отдают их назад, а прячут «в недра своя». Этот мотив заимствован из сербской «*Александрии*», где таким же образом поступал царь Александр, явившийся к персидскому царю под видом посла; но в «*Александрии*» этот эпизод имел сюжетное значение, потому что спрятанные чаши служили потом Александру своеобразным пропуском, когда он убегал из дворца. В П. о Д. Б. нет истории с бегством, и весь этот мотив представляется неоправданным и явно заимствованным.

С сюжетными памятниками Древней Руси связывает П. о Д. Б. и тема разгадывания загадок, фигурирующая во многих произведениях древнерусской повествовательной литературы («*Повесть об Акире Премудром*», «*Соломон и Китоврас*», «*Повесть о Петре и Февронии*»). Загадки решает Борзосмысл за своего отца Басаргу. Первая из них: «Как далеко от востока до запада?» (отгадка — день пути солнца); вторая: «Чего в мире десятая часть убывает за день и прибывает за ночь?» (отгадка — десятая часть воды в морях, реках и озерах). Для решения третьей загадки («чтобы поганные не смеялись. . . православным христианом») мальчик просит дать ему царские одежды и меч и собрать весь народ Антиохии. Борзосмысл спрашивает народ, в какую веру они хотят верить, народ высказывается за православие, Борзосмысл отрубает голову Несмеяну и сам становится царем.

Окончание П. различается в разных ее версиях. В списке ГБЛ, ф. 236, № 71, отражающем, по-видимому, первоначальный текст антиохийской редакции, П. о Д. Б. кончается воцарением Борзосмысла и освобождением из заточения антиохийского патриарха. В других списках той же редакции появился дополнительный мотив, заимствованный из поздней версии цикла сказаний о Вавилоне, — о «роге с маслом», вскипевшем над головой Борзосмысла, когда патриарх ввел его в церковь. Появляется здесь и новая концовка — о том, что после воцарения Борзосмысла его отец Басарга «под ним бысть вторым царем»; концовка эта, возможно, отражает взаимоотношения между *Михаилом Федоровичем*, избранным на царство в 1613 г., и его отцом *Филаретом*. Текст антиохийской редакции с интерполяциями лег в основу «киевской редакции» (где Басарга именуется русским купцом из Киева, приезжающим в некий «град»), породившей, в свою очередь, более поздние редакции — «басур-

манскую» (где злой царь оказывается не «латинянином», а «басурманом») и «венецианскую» (где Басарга приплывает не в Антиохию, а в Венецию).

Изд.: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исслед. и подгот. текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969; ср.: Сиповский. Т. 1. С. 296—297; Повесть о Басарге и сыне его Борзосмысле // ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 566—577, 686—688.

Лит.: Карамзин. ИГР. Т. 7. С. 223; Пыпин. Очерк. С. 95—99; Веселовский. 1) Памятники. Т. 1. С. 426—427; 2) Несколько данных к Повести о Басарге // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 63—73; Перетц В. Н. Отзыв о сочинении на тему «Повесть о купце Басарге» // УИ. 1914. № 9. С. 33—36; Anderson W. Kaiser und Abt. Helsinki, 1923 (русский текст первой части этой книги см.: Андерсон В. И. Император и аббат: История одного народного анекдота. Казань, 1916. Т. 1); Лурье Я. С. 4) Оригинальная беллетристика XV в. // Истоки беллетристики. С. 363—365, 372—375, 377, 383—386; 2) Рец.: Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле // ИОЛЯ. 1970. Т. 29. С. 348—352; Шайкин А. А. «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 214—222.

Я. С. Лурье

Повесть о Евстратии — древнерусская повесть конца XV—начала XVI в. «Слово от история о некоем мужи, бывшем воеводе в велицем Риме» («От история от Златоустовы кринице о воеводе в Риме», «От история о мужи, бывшем воеводе в Риме, от Златоустовы криници») — создана, как установлено Н. П. Дубовик, в Волоколамском монастыре, в кругах, близких к *Иосифу Волоцкому*, и может быть гипотетически атрибутирована ему самому: она включалась в сборники его сочинений, в ней использованы те же источники, что и в написанном им «Просветителе», для П. о Е. характерны те же литературные приемы, что и в сочинениях, бесспорно принадлежавших Иосифу.

П. о Е. композиционно состоит из двух частей. Первая — меньшая — ее часть повествует о Евстратии, в прошлом полководце, но затем оклеветанном и превратившемся в нищего слепца. Царь, узнав о судьбе Евстратия, хочет облагодетельствовать его, но тот отказывается. Большая часть текста П. о Е. — это пространный ответ Евстратия царю, по словам П. Н. Сакулина, «обстоятельный трактат по аскетической философии», призыв к покаянию и терпению. П. о Е. известна в 18 списках (перечень их см.: Дубовик. К изучению. . . С. 339—340). Исследовательница опровергла традиционное представление о том, что под именем Евстратий выступает византийский полководец Велизарий; поводом для такого отождествления послужила глосса, обнаруженная А. Х. Востоковым в одном из поздних списков П. о Е.

Изд.: Сакулин П. Н. Русская повесть о воеводе Евстратии: (К литературной истории саги о Велизарии) // Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка. М., 1902. С. 481—487.

Лит.: Востоков. Описание. С. 557; Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV—нач. XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 276; Дмитриева Р. П. 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 165; 2) Волоколамские четки сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 219; Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки беллетристики. С. 398, 403, 404; Дубовик Н. П. 1) К изучению Повести о воеводе Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 335—344; 2) К проблеме атрибуции Повести о Евстратии // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 198—206.

О. В. Творогов

Повесть о зачале Москвы — древнерусская повесть, созданная неизвестным автором во второй четверти XVII в. (М. Н. Тихомиров и Л. Н. Пушкирев датировали П. второй половиной XVI в.). В П. о з. М. публицистическая идея — о праве Москвы являться столицей великой

державы, поскольку она, как и другие столицы, основана «на крови», — облечена в форму рассказа о судьбе князя Андрея Боголюбского, убитого заговорщиками, в числе которых, по сюжету П., оказалась и княгиня Улита. Далее в П. говорится о расправе с заговорщиками брата Андрея — Михаила и кратко, в форме погодных записей, излагаются основные этапы истории Москвы и великих князей Московских.

Источниками П. о з. М. явились, видимо, поздние летописные своды (типа летописцев ГПБ, F.IV.343 и ГИМ, собр. Уварова, № 670), *Хронограф* редакции 1512 г., откуда в П. включены два фрагмента (из рассказа об основании Капитолия в Риме и из главы, повествующей о византийском императоре Никифоре Фоке), а также устные легенды о боярине Кучке, первом владельце Москвы.

П. известна в 30 списках второй половины XVII—XVIII в., которые относятся к трем видам. Старшим из известных ныне списков является рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 964, датируемая 1674 г.

Изд.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947. С. 11—14, 209—214; Пушкарёв Л. Н. Повесть о зачале Москвы // Материалы по истории СССР. 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955. С. 211—246; Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 5—81, 173—198.

Лит.: Татищев В. Н. История российская с древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. Примеч. 418; Карамзин И. Г. Т. 2. Примеч. 301; Буслаев Ф. И. Местные сказания владимирские, московские и новгородские // Летописи Тихонравова. Т. 4. С. 9; Беляев И. Сказания о начале Москвы // РВ. 1868. Т. 74, март. С. 5—26; Забелин И. 1) История и древности Москвы // И. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 125—130; 2) История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 36—40; Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 59—76; Тихомиров М. Н. Сказания о начале Москвы // ИЗ. М., 1950. Т. 32. С. 233—236; Салмина М. А. 1) Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 378—888; 2) «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы» // Там же. С. 362—363; 3) Источники «Повести о зачале Москвы» // Там же. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 245—256; Дуйчев И. Одна цитата из Манасовой Хроники в среднеболгарском переводе // Там же. С. 647—649; Зайцев В. Повести о начале Москвы // ВЛ. 1965. № 3. С. 232—234; Топоров В. Н. О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983. С. 223—227.

М. А. Салмина

Повесть о златом руне волшебного овна — этим названием условно обозначают текст, входящий в состав *Русского хронографа* редакции 1617 г. и восходящих к нему редакций (см. ниже). Повесть создана древнерусским книжником, — видимо, составителем Основной редакции *Хронографа* 1617 г., — на основе главы «О златом руне и о войне Троянской с греки» из русского перевода 3-го изд. «*Хроники Мартина Бельского*» (*Kronika, to jest historia swiata*. Krakow, 1564).

В повести рассказывается о судьбе Фрикса и Геллы (золотое руно было снято с того чудесного барана, на котором Фрикс достиг Колхиды), о похищении руна Язоном, разрушении Илиона Геркулесом, Теламоном, Кастором и Поллуксом, основании Трои Приамом, похищении Елены Парисом и о Троянской войне. Таким образом, за исключением истории руна, сюжет повести был знаком древнерусским книжникам по переводу романа *Гвидо де Колумна* (см.: Троянская история).

Составитель П. о з. р. пересказал текст Бельского с некоторыми сокращениями, но одновременно дополнил повествование сюжетом о Леде и Юпитере, который у Бельского излагается в другом месте (в русском переводе эта глава именуется «О родстве и о житии поганских богов»). Идентичный текст повести читается в гл. 24-й («О златом руне волшебного овна») Основной редакции *Хронографа* 1617 г. и одноименных ей 32-й главе Распространенной редакции и 24-й главе первого и третьего видов *Хронографа* редакции 1620 г. В списках второго вида этой редакции

в текст повести сделаны две вставки из древнерусского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна (Троянские сказания. С. 185—186). Повесть встречается также в сборниках. В конце XIX в. она была использована как один из источников компилятивной повести о Троянской войне, созданной в старообрядческой среде и отразившейся в сборниках № 66 и 267 Усть-Цилемского собрания в Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ.

Изд. Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII ввек. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»). С. 139—147. 159, 160, 184—186.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 60; Попов. Обзор. Вып. 2. С. 100, 101, 186; Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 228—241.

| О. В. Творогов

Повесть о избавлении града Устюга Великого от безбожных литвы и от черкас как в Двины шли (нач.: «Благословен господь бог израилев. . . яко посети и наказа и сотвори избавление людем своим града Великого Устюга. . .») обнаружена М. В. Кукушкиной в сборнике 30—40-х гг. XVII в. (БАН, Архангельское собр., К, № 51). Автор П., по предположению М. В. Кукушкиной, был выходцем из духовной среды, образованным и хорошо знающим книжную литературу и русскую историю. В числе использованных им литературных источников — *Хронограф* и *Житие Феодора Ивановича*.

П. является единственным источником, повествующим о приходе в 1613 г. польско-литовских войск под стены Устюга, и отдельные приводимые в ней факты могут быть признаны достоверными: в П. много точных топонимических указаний, названные в ней лица известны по другим документальным источникам, и хотя П. сюжетно и тематически находится в ряду других повестей Смутного времени, повествующих о видениях («Повесть о видении некоему мужу духовну», «Повесть о видении мниху Варлааму», «Повесть о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире»), рассказ в ней о видении является лишь эпилогом к рассказу о реальных событиях.

П. была использована при составлении рассказа о 28-м чуде Прокопия Устюжского, входящего в его житие.

Изд. Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374—387.

Лит.: Власов А. Н. 1) Идеино-стилистическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII века // Стиль и время. Развитие реалистического повествования. Сыктывкар, 1985 (на обложке 1986). С. 18—30; 2) Проблемы развития книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска в XVI—XVII вв.: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985.

М. А. Салмина

Повесть о Карпе Сутулове («Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене ево, како не оскверни ложа мужа своево») — древнерусская новелла, сочиненная на Руси скорее всего в то время, когда этот жанр был уже известен и популярен в среде русских читателей после переводов сборников «Великое зеркало» и «Римские деяния», а также после знакомства с переводными фацециями и жартами. История купеческой жены Татьяны Сутуловой, наказавшей домогавшихся ее любви купца, попа и архиепископа, могла служить назидательным прилогом-притчей. Однако П. выходит по своему значению за рамки дидактического произведения, примыкая к антиклерикальной сатире XVII в., зародившейся в демократической среде. То, что отрица-

тельными персонажами П. выступают духовные лица, указывает на ее оппозицию официальной идеологии и укладу, на выражение протеста, крайней формой которого в литературе явились пародии на церковную службу.

П. о К. С. появилась на рубеже XVII и XVIII вв. и отличается новыми чертами, характерными для литературы переходного периода. Необычным следует признать то, что главной героиней сделана простая женщина, купеческая жена. Это не монахиня в миру типа Юлиании Лазаревской, а самая обычная светская женщина, красавица, живущая весело, открытым домом, устраивающая «частые пиры на добрых жен, на своих сестер». Ее деятельность направлена на приумножение богатства, ее хитрость и лукавство сродни героиням переводных польских фацетий, она в какой-то мере напоминает даже Фрола Скобеева умением создавать выгодные для себя ситуации и оборачивать житейские затруднения в свою пользу. Все герои П., и поименованные (купец Карп Сутулов, его жена Татьяна, его друг, богатый купец Афанасий Бердов), и безымянные (священник, архиепископ, воевода), — лица целиком вымышленные, но по своей социальной функции они хорошо знакомы русскому читателю. Возможно, присутствие в П. воеводы с его неограниченной властью, распространяющейся даже на лиц духовного звания, указывает на хронологическую грань — 1708 г., когда городовые воеводы были заменены комендантами. Обобщенный характер персонажей сочетается с неопределенным местом действия — «во граде некоем», откуда Карп Сутулов едет по торговым делам в Литву. Русский быт П. абстрагирован от каких-либо исторических реалий и временных особенностей. Все это делает П. законченным беллетристическим произведением.

Сатирическую П. о К. С. можно отнести к явлениям смеховой культуры Древней Руси (см.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понорко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984). В ней присутствует смех открытый и скрытый. Откровенно комедийная ситуация, подстроенная Татьяной, предавшей на всенародное осмеяние своих незадачливых любовников, — сидящими в сундуках в неприличной их сану и положению одежде: «гостя... во единой срачице», «попа во единой же срачице и бес пояса», «архиепископа в женской срачице и бес пояса»; «воевода же, видя их таковых безчинных... посмеялся...». Комедийность усугубляется как эффектом неожиданного появления этих троих, так и уставной недопустимостью такого маскарада, особенно для духовенства (ср. с приписками в рукописном сборнике XV в.: «Аще кто ляжет бес пояса, сей закона не имат»; «Аще ли кто бес срачицы ляжет наг, сей веры не имат»).

Скрытый смех, возможно, предполагался в именах действующих лиц. Хотя отмечалось, что фамилии, встречающиеся в П., зафиксированы в документах, они в данном контексте могут иметь и другое значение. Трудно сказать, имелись ли в конце XVII в. в литературе значимые имена, но прозвище Бердов могло означать человека, отступающего от своего слова (бёрдо — деталь ткацкого стана; бердить — подавшись вперед, пятиться, откатываться назад, как бердо, пятиться от слова или дела. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 81—82). Слово «стылитися» — скрываться, встречающееся в псковской судной грамоте (Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 851) в соотнесении с прозвищем Сутулов, возможно, характеризует роль данного персонажа в П. о К. С. Имена Карп и Афанасий скорее всего нейтральны и не поддаются толкованию, в то время как имя героини — Татьяна (учредительница) может быть выбрано автором и намеренно.

Другой план смеховой организации П. — в ее «перевернутости». Вместо того чтобы быть объектом нравственного поучения, женщина-мирянка сама читает проповеди своим духовным отцам на тему о необ-

ходимости соблюдения заповедей. Татьяна поучает архиепископа и попа изречениями, близкими к текстам Священного писания: «Требуеша одежди на ся одежду ветхую самую; не добро пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветущем народе и бога славиши» (ср.: Псалтырь, 68, 12; Книга пророка Иезекииля, 42, 14); или: «Бог... вся видит деяния наша; аще от человек утаим странствие наше, но он вся вестъ обличения не требует» (ср.: Бытие, 31, 50; Книга Иова, 34, 12; Притчи Соломона, 5, 21) и др. Для увещания купца избирается пример из *Пчелы* о злой жене.

П., опирающаяся на книжные источники, сама является произведением вполне книжным. Автор применяет обороты дательного самостоятельного, форму простых прошедших, охотно пользуется церковнославянизмами. Прямая речь, которой обильно насыщено произведение, в большинстве случаев не просторечна; она скорее напоминает язык деловой письменности («Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем») или риторически организованную орагаторскую прозу («Госпоже моя, Татиана, буди бог между нами. Егда начнеша творити без меня частые пиры на добрых жен на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер»). Изредка встречающиеся просторечные выражения придают повествованию бытовой колорит («ажно ко вратом гость», «ты бы де положила на соблюдение человеку доброму до меня», «ляг со мною на ночь» и пр.).

Будучи произведением книжным, П. по своей композиции напоминает сказку. Автор прибегает к приемам, типичным для стиля устного произведения: трижды пересказываются условия договора Карпа Сутулова с Афанасием Бердовым, трижды излагает Татьяна ситуацию, в которой оказалась по вине Афанасия Бердова, согласившегося дать ей обещанные деньги только в обмен на ее любовь. Трижды пугает она гостей одного за другим под предлогом, что вернулся ее муж, и прячет их в три сундука. Отсюда замедленность рассказа, характерная для фольклорных произведений. Типичен для сказки и счастливый конец: добродетель Татьяны награждена сказочно большой суммой, выплаченной в виде штрафа ей и воеводе посрамленными ловеласами, и похвалой вернувшегося мужа.

П. о К. С., наряду с *повестями о Савве Грудцыне* и *Фроле Скобееве*, представляет собой русскую новеллу; однако, как уже отмечено А. Н. Пыпиным и подробнее исследовано Ю. М. Соколовым, сюжет П. не оригинален. Он широко распространен в мировой литературе. Среди различных его вариантов русская версия наиболее близка к бытующим в восточных литературах (древнеиндийской, древнеарабской, персидской, турецкой, афганской и др.) сказкам и их книжным вариантам (см.: О л ь б е н б у р г С. Ф. Фаблю восточного происхождения // ЖМНП. 1907, май. С. 46—82). Путь проникновения этого сюжета на Русь пока неизвестен. Ф. Е. Корш высказал мысль о возможной передаче его непосредственно с востока через азиатские народы, например через киргизов (см.: Древности. Слав. Т. 4. Протоколы. С. 39—41 (Прения по докладу Ю. М. Соколова)). Поскольку сюжет существовал и в западноевропейской литературе, не исключен его путь и с Запада, хотя версии, близкой к П. о К. С., там не обнаружено.

Ряд исследователей (Н. К. Гудзий, М. О. Скрипиль) высказывали мысль о первоначально устном бытовании этого сюжета на Руси. Однако сравнение П. с многочисленными русскими, белорусскими, украинскими сказками (см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 354. № 1730) не обнаруживает ни одной, содержащей все мотивы П. Наиболее близка к древнерусскому сюжету только сказка А. К. Барышниковой «Умная жена», записанная в 1939 г.

В. А. Тонковым в Воронежской области, но и в ней совершенно другая концовка и отсутствует ряд важных деталей (см.: Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940. № 5. С. 180—182. Примеч. на С. 229—230). Эти различия заставляют предположить независимость книжной версии от фольклорной. Ю. М. Соколов допускал и обратное влияние книжной П. на русские сказки, но при условии, что в народной передаче сюжет был осложнен соприкосновением с другим циклом сказок.

Высказывая соображения об авторе П., Н. К. Пиксанов решительно отрицал возможность ее появления в церковной среде и несколько прямолинейно предлагал видеть в авторе «молодого купца, ведущего торговлю с англичанами или немцами», «может быть побывавшего за границей». В. П. Адрианова-Перетц атрибутирует сатирические произведения XVII в. более широкому кругу демократических авторов: мелким приказным служащим, плебейской части духовенства, представителям крестьянства, примыкавшим к оппозиционной части посада. Она отмечает их незаурядное художественное мастерство. Действительно, целый ряд особенностей П. о К. С. — умелое приспособление иноземного сюжета к русской действительности, трансформация цитат из Священного писания и других книжных источников, владение искусством диалога (правда, еще не дифференцированного по характеру персонажей), знакомство со стиливыми приемами русской сказки, книжно-литературный язык в сочетании с разговорными оборотами — все это говорит об авторе как о профессиональном писателе. При этом совершенно не обязательно, чтобы он был лицом светским: возмущение падением нравов в среде духовенства, обличение пороков купечества могли быть высказаны и в духовной среде, тем более что, как установил А. М. Панченко, монашество было корпоративным признаком для группы наиболее видных писателей последней трети XVII в. (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 150—161). Возможно и другое решение вопроса об авторе: сатирическое изображение представителей официальной церкви могло появиться в старообрядческой среде. Косвенное подтверждение такой возможности в том, что одна из сказок этого сюжета была записана И. В. Карнауховой в Усть-Цильме из уст старообрядческой начетчицы (см.: Сказки и предания Северного края / Записи, вступ. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. Л., 1934. № 151; Коммент. С. 423).

П. о К. С. известна в одном, очень неисправном списке XVIII в., принадлежавшем проф. М. И. Соколову (ГИМ, собр. Соколова, № 196, л. 95—99 об.; см. также: Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958. С. 69. — В некоторых советских работах список П. о К. С. ошибочно назван утраченным). А. Н. Пыпин, ознакомившийся при жизни М. И. Соколова с текстом П., в 90-х гг. XIX в. дважды напечатал ее пересказ. Текст П., подготовленный к печати М. И. Соколовым, был издан в 1914 г. его сыном Ю. М. Соколовым, продолжившим начатое отцом исследование памятника. Издание сопровождается подробным описанием как списка, так и всего сборника; в текст П. внесено много исправлений и конъектур. Все издания П., сделанные в советское время (Н. К. Пиксанова, Н. К. Гудзия, В. П. Адриановой-Перетц), основаны на издании 1914 г. с переводом на современную орфографию.

Изд.: Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове: (Текст и разыскания в истории сюжета). М., 1914 (Оттиск из кн.: Древности. Слав. Т. 4, вып. 2); Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 36—37, 43, 66—67, 75—80; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. 5-е изд. М., 1952. С. 431—436; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. М., 1977. С. 90—94, 126, 165—166, 216—217.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. — в особенности из первой половины XVIII в. Дополнения. . . // Сб. Общества любителей Российской словесности

на 1891 год. М., 1891. С. 556; 2) История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 552; СПб., 1899. Т. 3. С. 391, 418; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. Гл. 5. Бытовые повести. С. 228—230; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 4-е изд. М., 1950. С. 388—391; ИРЛ II. Т. 1. С. 341—343; Истоки беллетристики. С. 557—558; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970. С. 113, 136; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII века. М., 1977. С. 55—56, 82; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 404—405; ИРЛ III. Т. 1. С. 369—371, 377—379.

М. Д. Казан

Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском — принятое в научной литературе название компилятивной повести, изданной в 1869 г. А. Н. Поповым по единственному дошедшему до нас в рукописи списку — ГПБ, собр. Погодина, № 1451.

В 1904 г. П. Г. Васенко опубликовал повесть *«О рождении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина»*, написанную в начале 20-х гг. XVII в., и *«Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина»*, появившееся вскоре после смерти Скопина-Шуйского в 1610 г. Они расположены в одной рукописи рядом в виде самостоятельных произведений и, как выяснилось, являются составными частями изданной А. Н. Поповым компилятивной повести, сохранившей заглавие первой из них.

Основываясь на общности некоторых «стилистических приемов» и, в первую очередь, на «сходстве отдельных выражений» в П. «О рождении» и в «Писании», В. Ф. Ржига считал, что они написаны одним автором, хотя и в разное время, и поэтому признавал их не отдельными произведениями, а первой версией компилятивной П. о Скопине. Предпочтительнее, однако, представляется точка зрения П. Г. Васенко, который склонялся к мысли о том, что произведения написаны разными авторами, а их общие черты объяснял влиянием «Писания» на П. «О рождении». Указанные В. Ф. Ржигой сходные выражения «дружина хоробрая», «воин и воевода» являются в П. «О рождении» заимствованиями из «Писания», а такие выражения, как «да что много глаголати», «не убо вскоре возможно изглаголати или писанию предати», — широкоупотребительные формулы, применявшиеся для усиления эмоционального воздействия. Цитирование текстов ветхозаветных книг, наблюдающееся в обоих произведениях (в каждом из них тексты не совпадают), было общепринятым стилистическим приемом в древнерусской литературе. Индивидуальный признак писательской манеры одного автора В. Ф. Ржига усматривал в общем для обоих произведений стилистическом приеме — сравнении Скопина с библейскими героями. Помимо того что этот прием тоже был очень распространенным художественным средством, использование его в П. «О рождении» качественно отличается от применения в «Писании». Это различие находит объяснение в противоположной идейной направленности П. «О рождении» и «Писания» и в их жанровой природе. «Писание о преставлении» представляет собой панегирик, в котором превозносятся воинские доблести князя-воеводы, освободителя страны от поляков, поэтому Скопин сравнивается с Иисусом Навином, Гedeоном, Вараком, Самсоном, Давидом, Иудой Маккавейским, т. е. с теми библейскими героями, которые прославились своими воинскими подвигами. В П. «О рождении» Скопин сравнивается только с теми героями христианской литературной традиции, которые совершали духовные подвиги за веру, — с пророком Ильей и апостолами, ибо цель автора П. состояла в том, чтобы представить его ревностным христианином и защитником православной веры, т. е. написать житие благочестивого князя.

Литературная история П. о Скопине представляется в следующем виде. С начала 10-х гг. XVII в. и до начала 20-х гг. существовало «Писание» — сообщение только о смерти и погребении Скопина. В начале 20-х гг. создается П. «О рождении» — написанный в агиографическом стиле рас-

сказ о жизненном пути и подвигах князя. Оба произведения помещаются в рукописи рядом, но объединяются только темой, составляя последовательное повествование о жизни и смерти Скопина-Шуйского. Наконец, под пером какого-то книжника произошло слияние текстов двух произведений, что вызвало некоторые переделки их текстов, обусловленные композиционными и идейными соображениями. Текст П. «О рождении» сохранился полностью, только рассказ о Клушинской битве и захвате Новгорода Яковом Делагарди, которым она заканчивалась, перенесен в самый конец объединенного текста. Текст «Писания» претерпел значительные сокращения.

Перемещение рассказа о Клушинском поражении русских войск и захвате Новгорода шведами в конец П. о Скопине оправдано логикой общего повествования. Если бы он остался на прежнем месте, то произошло бы нарушение последовательности событий, ибо сражение состоялось после смерти Скопина. Кроме того, разгром русских войск, руководимых под Клушиным бездарным братом царя Дмитрием Шуйским, и измена шведских наемников расценивались авторами П. как последние насильственной смерти талантливого полководца, не знавшего неудач в борьбе с интервентами.

Устранено в П. о Скопине генеалогическое вступление «Писания», где выявлялась династическая близость Шуйских, в том числе и Скопина-Шуйского, к царствовавшим до Смуты потомкам Калиты. В период укрепления новой династии такие сведения были неуместны, поскольку могли быть опасными для Романовых. Этой же причиной объясняется, вероятно, отсутствие в П. о Скопине гиперболизированных в «Писании» возвеличиваний князя Скопина, содержавшихся в обращении Якова Делагарди к русскому народу, в сравнениях с библейскими героями во всенародных плачах и в видении, предсказавшем смерть Скопина.

Несмотря на эти изменения, объединение П. «О рождении» и «Писания» произведено в значительной мере механически. Исключив некоторые места «Писания» и переместив летописный отрывок из П. «О рождении» в конец нового текста, автор П. о Скопине никак не связал тексты П. «О рождении» и «Писания» и оставил следы прежней композиционной целостности «Писания». Поэтому осталось необъяснимым, почему Михаил Скопин-Шуйский приехал в Москву после победы под Калязиным монастырем из Александровой слободы, о которой ранее ничего не сказано. Требование народа положить тело Скопина в Архангельском соборе, рядом с гробами царей, «понеже он от их же рода и колена», сопровождается указанием «яко же преди рекохом», которое в П. о Скопине не имеет адреса, поскольку в ней нет имеющейся в «Писании» генеалогической справки об общем происхождении Шуйских и царей-рюриковичей.

Объединение П. «О рождении» и «Писания», каждое из которых отличается стилистической неоднородностью, предопределило чрезвычайную стилистическую пестроту П. о Скопине. В переработанном виде П. о Скопине-Шуйском полностью вошла в *«Повесть о победах Московского государства»*, написанную в конце 20-х гг. XVII в.

Изд.: П о л о в. Изборник. С. 378—388; В а с е н к о П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов. С. 348—351; Р ж и г а В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 81—107.

Г. П. Енин

Повесть о королевиче кипрском Велиаме как не ведав женился на сестре своей родной — светское сочинение, возможно, перевод с польского (источник не установлен). П. дошла в одном списке в составе тематического сборника повестей начала XVIII в. Сюжет П. — разлучение

королевских сирот, брата Велиама и сестры Июлии, мнимая смерть сестры, ее спасение и воспитание в семье купца, а затем у королевской четы; сватовство к ней родного брата, затем узнавание обоими истинны о каждом, вопреки запутанным обстоятельствам, разъединившим их еще в детстве, — отмечен чертами греческого (эллинистического) романа. Поучителен конец П. — наказание виновных злодеев и счастливое водворение брата на отцовский престол, а сестры — в соседнее королевство. Завязка сюжета происходит у моря, действие разворачивается в двух землях — Кипре и Пентиполе; совершенство героини Июлии определяется ее воспитанием и образованием путем приобщения к «всяким наукам» в доме купца, а затем, в более высокой среде, к «всяким королевским поступкам». П. известна в списке ГИМ, собр. Забелина, № 498.

Изд. Белоброва О. А. Повесть о королевиче кипрском Велиаме // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 259—267.

Лит.: Пыпин. Очерк. С. 286; Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр. — в особенности из первой половины XVIII в. М., 1888. С. 11; Сперанский. Рукописные сборники. С. 91; Белоброва О. А. 1) Кипрский цикл в древнерусской литературе: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1967. С. 6, 14; 2) Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 28.

О. А. Белоброва

Повесть о купце Григории («Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена с чародеем уморити») является русской переработкой конца XVII—XVIII в. входящего в «Римские Деяния» «Приклада о преступлении душевном и о ранах, уязвляющих души человеческие» («О чернокнижнике и рыцаревой жене»). П. о к. Г. сохраняет сюжетную схему своего образца: неверная жена римского купца Григория уговаривает своего любовника-чародея извести ее находящегося в отсутствии мужа; чернокнижник изготавливает из воска портрет Григория и трижды стреляет по нему из лука; некий мудрец спасает героя, посадив его в чан с водой и дав зеркало, в котором Григорий видит все, что делается в его доме; скрываясь под водой в момент выстрела, герой спасается, а чернокнижник погибает от собственной третьей стрелы, и любовница закапывает его под супружеской постелью; вернувшись домой, купец собирает в гости всех родственников жены, рассказывает о ее злодеянии и указывает на спрятанный труп; судья приговаривает ее к жестокой казни. Вместе с тем словесное оформление П. полностью переработано, язык освобожден от полонизмов. Изображение магических действий «мудреца» отлично от действий «мистра» в «Прикладе»; реакция героя на увиденное в зеркале обогащается новыми оттенками; но самое главное — автор П. заменяет безымянного героя-рыцаря, отправляющегося с паломничеством в Святую землю, купцом, путешествующим по торговым делам, и дает ему имя — Григорий. Последняя замена носит принципиальный характер: повести о купцах играют большую роль в создании древнерусской беллетристики (см.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 160; Истоки беллетристики. С. 526—528). Все эти отличия позволяют считать П. не переводом «Приклада», а оригинальным русским сочинением, созданным на основе заданных заранее элементов повествования.

Автор П. о к. Г. едва ли не впервые в русской литературе сделал главным сюжетобразующим элементом своего произведения тему колдовства и доброй магии (своеобразное соревнование доброго и злого волшебника), полностью отказавшись от традиционного для древнерусской литературы христианского обличения любых колдовских действий; в этом нашли отражение новые качества литературы XVII в. — прежде всего ее обмирщение.

П. о к. Г. известна в 4 списках XVIII—XIX вв.; один из них (БАН, 45.5.30) представляет небольшой отрывок другой редакции, где совершенно иначе изображен обряд колдовства: чародей погибает не от стрелы, а от руки Григория, ударившего ножом по зеркалу.

Изд. Скрипиль М. О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 328—332.

Лит. Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть: (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 167—174.

Е. К. Ромодановская

Повесть о Меркурии Смоленском («Главизна изъявляется от чудес дивнейшей заступницы нашей и великую ее милость святую и бывшую и бывающую тогда и ныне на граде нашем неисчетно от госпожи владычицы нашей Богородицы и матери Христа бога нашего. И память скажется ея святого Меркурия иже есть гроб его в Смоленске, граде нашем, бывших от него чудес», или «В той же день от чудес дивнейшей заступницы нашей. . .», или «Сказание о чудесах дивнейшия заступницы нашей. . .», или «Месяца ноября в 24 день. О проявлении чудесе от иконы пресвятей Богородицы святому мученику Меркурию и о нахождении безбожного царя Батыея») — одно из произведений, посвященных нашествию Батыя. По поэтической структуре П. о М. С. примыкает к традиционным легендарно-историческим повестям («чудо от иконы»). Кроме того, сюжет о Меркурии Смоленском входит в ряд мировых сюжетов «о безголовых» (см.: Гудзий Н. К.).

П. о М. С. дошла до нас в значительном количестве списков (около 80). Наибольшее количество списков П. встречается в составе Миней-четых. Самые ранние списки Минейной редакции датируются 30—50-ми гг. XVI в. (о редакциях см.: Белецкий Л. Т., Бахтина О. Н.), например: ГПБ, Соловецкое собр., № 507/526; Q.XVII.15; ГИМ, Синодальное собр., № 988 и 176; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1254. Под 24 ноября П. о М. С. помещена в ВМЧ (Успенский и Царский списки). В некоторых минейных сборниках П. о М. С. читается под 28 июля (празднование иконы Смоленской Одигитрии): «Месяца июля в 28 день. Воспоминание великаго чудесно, бывшее от иконы заступницы нашей пречистыя Богородицы Смоленския угодником ея святым Меркурием еже ести и до днесь мощи его святыя во граде Смоленску». Вариант: «Месяца июля в 28 день. Повесть от древних писаний сложена, являющи преславное чудо, бывшее иконою пречистыя владычицы нашея Богородицы, како избави град Смоленск крепким своим заступлением и милостивою рукою угодника своего Меркурия от нашествия безбожных агарян». П. о М. С. напоминает житие с его традиционной трехчастной структурой — вступление, рассказ о подвиге святого и посмертные чудеса, но обращают на себя внимание нетипичное для миней название — «Главизна изъявляется от чудес. . .» (без календарной формулы: «месяца того же», «в той же день»), употребление в самом тексте жития летописных конструкций — «В лето 6745. . .», «в то лето. . .», упоминание во вступлении Минейной редакции о взятии татарами Киева, Москвы (в некоторых списках — Владимира), о гибели в Орде Михаила Черниговского с боярином Федором. Это позволяет увидеть связь П. с летописными циклами о нашествии Батыя на Русскую землю. Вступление Минейной редакции П. о М. С., представляющее обработку эпилога Хронографической редакции (Бахтина О. Н., 1980), повествует об ужасах татарского нашествия в традиционных стилистических формулах, которые находим в описаниях взятия Рязани, Владимира и других городов в летописях, в поучениях *Серапиона Владимирского*.

Хронографическая редакция П. о М. С. («О Смоленске граде. Явление пресвятыя Богородицы и о святем Меркурии») является частью хро-

пографической «Повести умильной о нашествии безбожного Батыя на Русскую землю». Хронографическая редакция читается в составе Русского временника (ГИМ, собр. Черткова, № 115 а, б; ЦГАДА, собр. Оболенского, ф. 201, № 46; ЛОИИ, собр. Лихачева, № 513; ГПБ, Ф. IV.244) и Летописца Хворостинина (ГИМ, собр. Уварова, № 116, в 4°).

В одном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 908) известна Жулевская, или «народная» (см.: Буслаев Ф. И.), редакция («Слово о Меркурии Смоленском»), наиболее полно сохранившая, как считают многие исследователи, легендарную основу П. Вариант устной легенды о Меркурии был записан в XIX в. В. Н. Добровольским (Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 379).

В 1882 г. был опубликован список П. о М. С. («Месяца ноября в 24 день. Повесть о святом и добропобедном мученике Меркурии Смоленском чудотворце, како победи царя Батыя и свободы град Смоленск от безбожных агарян в лета 6746 году, прежде славенского языка на полски язык преведено, ныне же паки с полскаго языка на славенский язык преложено в лето 7164») Западно-русской редакции (Писарев С. П.). Варианты заглавий редакции: «Месяца ноеврия 24 дня. Повесть о святом и победоносном мученике Меркурии, чудотворце Смоленском»; «Житие и чудеса святого великомученика Меркурия Смоленского». Лишь некоторые списки этой редакции имеют в заголовке помету о переводе на польский, а затем с польского языка на славянский, вторично. А. И. Соболевскому не был известен польский оригинал повести (С о б о л е в с к и й А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 217—218). Л. Т. Белецкий высказал предположение, что протограф Западно-русской редакции был написан «латиницей», но доказательств этому не найдено. Сравнительный анализ известных к настоящему времени списков Западно-русской (ЦГИАЛ, собр. Архива Синода, № 1318; ГИМ, собр. Уварова, № 136, в 4°; ГПБ, Ф. XVII.16; ГБЛ, Музейное собр., № 735) и Минейной редакций показал, что протограф Западно-русской редакции отразил неизвестный вид Минейной редакции, существование которого тем не менее подтверждает служба Уваровской редакции (ГИМ, собр. Уварова, № 681; ГБЛ, Рогожское собр., № 829; ЦГИАЛ, собр. Архива Синода, № 829).

О службах Меркурию Смоленскому как о «лирической редакции повести» впервые написал Ф. И. Буслаев. К настоящему времени известно 10 списков служб (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.71; Соловецкое собр., № 1079/1188; ЦГАДА, ф. 381, № 263 и др.; один список — Смоленской духовной семинарии, № 78 — утрачен вместе с библиотекой Смоленской духовной семинарии в годы Великой Отечественной войны), выделено три редакции. Некоторые списки Варсонофиевской редакции службы (например, ГПБ, собр. ОЛДП, Q.71) содержат указания на то, что канон Меркурию составлен «по повелению» смоленского епископа Варсонофия (1509—1514 гг.). Списки ГИМ, собр. Уварова, № 681; ГБЛ, Рогожское собр., № 829 содержат и Варсонофиевскую и Уваровскую редакции службы. Одним списком представлена Архивная редакция службы (ЦГИАЛ, собр. Архива Синода, № 1318). По свидетельству Л. Т. Белецкого, служба в списке Смоленской духовной семинарии, № 78 была близка списку службы Архива Синода, № 1318.

Повесть о Меркурии («О Меркурии Смоленском», «О Меркурии Смоленском, како убиен бысть») Летописной редакции входит в состав *летописного свода* 1652 г. и его протограф — по А. Н. Насонову, свод 1592 г. (Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII вв. М., 1969. С. 483—486). Известно 14 списков Летописной редакции П.: ГБЛ, собр. Большакова, № 423; ГИМ, Музейное собр., № 3058 и др.; особый список — ГБЛ, собр. Румянцева, № 379; список ЦГАДА, ф. 181, № 818/1384 («И святого мученика, богатыря Смоленского») представляет собой пересказ текста Летописной редакции; выборкой из Летописной

редакции являются два отрывка о Меркурии (без заглавия) в списке ГПБ, собр. Вяземского, F.112.

П. о М. С. входит также в состав *Новгородской Забелинской летописи*, образуя Новгородскую Забелинскую редакцию (ГИМ, собр. Забелина, № 261; ГБЛ, Музейное собр., № 733) (см.: Бахтина О. Н., 1981). Новгородская Забелинская редакция П. о М. С. встречается и вне летописного свода (например: ГБЛ, собр. Румянцева, № 437).

Датировка П. о М. С. осложнена тем, что это легендарно-историческая повесть. Одни исследователи (см.: Писарев С.) считают, что П. возникла вскоре после события (XIII в.), другие (см.: Буслаев Ф. И., Миндалев П.) видят в ней древнюю эпическую основу, большинство же авторов (вслед за М. О. Скрипилем) видят в ней позднюю (XVI в.) обработку устной легенды о спасении Смоленска.

Трудно решить вопрос об авторе П. Самая распространенная — Минейная редакция, представленная наиболее ранними списками, уже использовала летописный источник, возможно, смоленского происхождения, но обработка при включении в ВМЧ была произведена в Новгороде или в Москве. Это подтверждает история создания ВМЧ, в частности, ноябрьского тома (Кучкин В. А. О формировании Великих Миней Четий митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86—101).

Сюжет о Меркурии Смоленском отразился в новой литературе (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 42; Бунин И. А. Суходол // И. А. Бунин. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 3. С. 139—140).

Изд.: Никитин П. История города Смоленска. М., 1848. Прил. 5. С. XIII—XVI; Писарев С. П. Рукописные памятники Авраамиевского монастыря // Филологические записки. Воронеж, 1882. Кн. 3. С. 39—48; Миндалев П. П. К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 258—280; Белецкий Л. Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском // СОРЯС. Пг., 1922. Т. 99. № 8. С. 55—93; Скрипиль. Русские повести. С. 106—107; Бахтина О. Н. 1) К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском: (Хронографическая и Минейная редакции) // Книга в Сибири XVII—нач. XX в. Новосибирск, 1980. С. 164—171; 2) Новгородская Забелинская редакция Повести о Меркурии Смоленском // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 153—158; Слово о Меркурии Смоленском // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 204—209, 560—561.

Лит.: Буслаев Ф. И. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском // Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 155—198; Писарев С. П. Рукописные памятники Авраамиевского монастыря // Филологические записки. Воронеж, 1881. Кн. 1. С. 1—14; 1882. Кн. 2—3, 5. С. 25—44, 45—52; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44—107; Белецкий Л. Т. 1) К литературной истории Повести о Меркурии Смоленском // ЖМНП. 1914, декабрь. Ч. 4. С. 358—370; 2) Литературная история Повести о Меркурии Смоленском. Пг., 1922; Скрипиль М. О. Повесть о Меркурии Смоленском // ИРЛ I. Т. 2, ч. 1. С. 357—361; Гудзий Н. К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1919. № 56. С. 98—103; Jakubowski W. Piśmiennictwo okresu powstania państwa moskiewskiego // Literatura rosyjska. Warszawa, 1970. Т. 1. С. 100—101; Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV—XVII вв.: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1982.

О. Н. Бахтина

Повесть о Московском восстании 1682 г. (Барсовская), известная в единственном списке (ГИМ, собр. Барсова, № 1578, л. 336—341 об., конец XVII в.), была написана стрельцом, непосредственным участником восстания, в разгар событий и охватывает период подготовки и проведения вооруженного выступления против правительства, закончившегося его разгромом и взятием Кремля. Все содержание небольшой повести посвящено обоснованию правомерности выступления стрельцов, солдат и поддерживавших их слоев посадского населения против «изменников —

бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших 15—17 мая. Автор передает устойчивую устную легенду о событиях в столице, созданную и распространявшуюся самими восставшими. Легенда эта, послужившая источником для Аверкия, автора Спасо-Прилуцкого летописца, Романа Ракушки-Романовского и Бутенанта фон Розенбуша, учитывавшаяся Сильвестром Медведевым и автором Летописца 1619—1691 гг., передана в П. наиболее убедительно. Автор весьма настойчиво пытался придать описанию московских происшествий эпический размах («речи» стрельца-челобитчика и царевича Ивана, действия «бояр», скрывающих от царя злодея — виновника восстания, и т. п.). В П. отчетливо проявляется стремление автора превратить свое сочинение в публицистический памятник, направленный против официальной правительственной пропаганды. Простонародный, ясный и выразительный язык П. особенно проявляется в монологах действующих лиц.

Изд. Б у г а н о в В. И. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С. 318—324.

Лит.: Б у г а н о в В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 17—18, 31—33 и др.; 2) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310—319; Б о г д а н о в А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. М., 1983.

А. П. Богданов

Повесть о Московском восстании 1682 г. (Ундольского) представляет собой единственное, кроме «Созерцания краткого», сочинение, в котором грандиозное восстание 1682 г., вызвавшее целую волну откликов в литературе (как в летописной, так и публицистической), рассматривается от его начала в мае и до конца — до перемирия между восставшими и правительством и возвращения двора в Москву 6 ноября. Автор ее, судя по языку П. и искреннему преклонению перед патриархом Иоакимом, был лицом духовного звания, скорее всего, священником в одной из московских церквей. Его отличает доверчивость к официальным сообщениям: об обстоятельствах воцарения Петра Алексеевича, прениях в Крестовой палате о раскольниках, причинах бегства царей в Троице-Сергиев монастырь и т. п. Видимо, своей близостью к прихожанам автор был обязан знакомству с многочисленными слухами, отражающими народные оценки событий восстания. При том, что автор был явно «прост умом», его повседневные наблюдения и скрупулезная точность описаний делают П. ценным историческим источником. П. о М. в. не издана; читается в сборнике ГБЛ, собр. Ундольского, ф. 310, № 792, л. 1А—13 (исторический сборник 1743 г.).

А. П. Богданов

Повесть о Никифоре Фоке, рассказывающая об убийстве заговорщиками, руководимыми Иоанном Цимисхием и императрицей Феофаной, византийского императора Никифора Фоки (963—969), возникла, как полагают, в Византии в конце XII—начале XIII в. Действительная история гибели Никифора приобретает в ней многие фольклорные черты (у императора называются восемь братьев, убитых будто бы вместе с ним, тогда как в действительности у него было лишь два брата; рассказывается о поисках невесты для императора — девушки, которой подойдет специально изготовленная маленькая обувь, в действительности же Никифор женился на вдове своего предшественника — императора Романа, и т. д.), вопреки историческим фактам императрица, согласно П., убивает и самого Цимисхия.

Славянский перевод П. о Н. Ф. (по мнению П. Сырку, он сделан с греческого до завоевания Болгарии турками, в самой Болгарии) известен

в двух вариантах в нескольких южнославянских списках (Национальная библиотека в Софии, № 326, 677, 681; Государственный Архив Бухареста, № 740; Национальная библиотека Белграда, № 104, 198, 738 (по сообщению болгарской исследовательницы А. Милтеновой), 828; Библиотека Югославской Академии в Загребе, № III.a.10; Югославия, монастырь Николац (Черна Гора), № 82 (по сообщению А. Милтеновой). Литературу вопроса о южнославянских списках П. о Н. Ф. см. в книге Э. Турдяну).

В литературе отмечены два русских списка П.: ГПБ, Q.XVII, № 79 («Слово о Тэфане корчемнице, како цесаря Фоку погуби и братию его во едину ночь». Нач.: «В та времена царь Фока беаше у братии своих. . .») и ГПБ, Q.XVII, № 128 («Слово о Тэфане корчемнице, како царя Фоку погуби и братию его в едину ночь». Нач.: «В та времена царь Фока имеше 8 братии своих. . .»). П. А. Сырку (К истории исправления книг. . . С. 539) указал, что П. о Н. Ф. входит в состав Копенгагенского сборника XVII в., описанного И. И. Срезневским (Сведения и заметки. СПб., 1876. № 61. С. 353—357).

Изд.: Сырку П. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе. СПб., 1883; Начов Н. А. Тиквешки рукопис // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Т. 8. С. 304—395; Сперанский М. Н. 1) Заметки о рукописях белградских и софийской библиотек // Известия Историко-филологического ин-та в Нежине. М., 1898. Т. 16. С. 48—59; 2) Белградские рукописи // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Т. 2. С. 12—14; 3) Болгарская повесть об убиении Никифора Фоки в русской старинной литературе // Юбилейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. У Києві, 1928. С. 220—229; Цонев Б. С. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. 2. С. 216—221; Turdeanu E. Le dit de l'empereur Nicéphore II Phocas et de son épouse Théophano. Thessalonique, 1976.

Лит.: Веселовский А. Н. Болгарские повести Букурештского сборника // ЖМНП. 1884, январь. С. 78—90; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 538—546; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 106—107; Мечев К. Възмездие за жестокостта: Към въпроса за идейната характеристика и времепоавата на средновековния български апокрифен разказ за убийството на византийския император Никифор Фока от крчмарката Теофана // Лит. мисъл. 1975. № 2. С. 115—136.

М. А. Салмина

Повесть о пане Григории (в рукописной традиции встречаются различные варианты заглавия: «Слово о святом Григорей, папы римском (а се марта 11)»; «Марта в 12 день, повесть зело полезна и вельми дивна о преподобном отце нашем Григории, папе римском, о зачатии и о житии его»; «Приклад о дивном промысле божии и почитании святого Григория»; «Сказание дивное и жалостное о рождении святого Григория, патриарха Иерусалимского»; «Слово о Григории, папе римском, како родися от брата и от сестры 12 марта»; «Сказание дивное и живописное о рождении святого отца преподобнаго Григория рицера»; «Житие и подвизи преподобнаго отца нашего папы старого Рима Григория мниха»; «Повесть о дивном смотреии божии и о початии св. Григория, и да никто же да не отчаевается своего спасения»; «Повесть о Григории, како бысть папою в Риме, выписано из Барония»; «Стория о едином кролю, именем Тарцисе, з римской печатной книги перевод») — анонимное произведение, входящее в группу древнерусских повестей о кровосмесителе (ср. «Сказание Иеронима о Иуде предателе» и Повесть об Андрее Критском). История папы Григория, именем которого назван один из основных типов «Эдипова сюжета» (Пропц В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 261), помимо восточных славян известна на католическом Западе, у поляков и чехов по тексту в «Римских деяниях», представляющему собой сокращенный пересказ французской народной книги XI—XII вв. «Жизнь папы Григория Великого». Некоторые западноевропейские ученые пытались связать появление этой книги с борьбой папы Григория VII против движения инсе-

stuorum, допускавшего близкородственные браки (Грейт, Литтре, Д'Анкона), или с другими событиями XI в. (Зелиш), однако эти гипотезы, как справедливо указывалось М. П. Драгомановым, крайне неубедительны. Наличие других обработок этого типа «Эдипова сюжета», в частности очень сходной с П. о п. Г. коптской «Истории царя Армениоса», возникшей еще в домагометанский период, позволяет предположить существование некоего общего для всех этих обработок источника восточного происхождения — византийского или египетского, занесенного в Западную Европу паломниками.

Вопрос о времени появления П. о п. Г. у восточных славян до сих пор не решен, так как кроме ее текста, пришедшего на Русь в 70-х гг. XVII в. в составе «Римских деяний», в древнерусских рукописных сборниках распространена другая редакция памятника (опубликована В. Н. Перетцем в УИ), происхождение которой пока не выяснено. Это позволяло С. Л. Пташицкому (П т а ш и ц к и й С. Л. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянской литературах. Истории из Римских деяний (Gesta Romanorum) // Историческое обозрение. СПб., 1897. Т. 9. С. 115), а позднее Н. К. Гудзия предположить, что П. появилась на Руси до перевода «Римских деяний». Заслуживает внимания и указанный А. А. Назаревским список П. о п. Г. XVI в. — ВНИМ, собр. Уварова, № 308 (252) (142). Окончательное решение этого вопроса возможно лишь при детальном изучении всех известных списков П.

С конца XVII в. вплоть до середины XIX в. П. о п. Г. активно переписывалась, став самой популярной из русских повестей о кровосмесителе. Гармоничное сочетание дидактичности и занимательности, драматизм и исключительность изображаемых событий, острая фабула — все это обеспечило П. интерес читателей самых разных литературных вкусов и потребностей, не ослабевавший в течение почти трех веков, и обусловило разнообразие ее рукописных редакций. Всего к настоящему времени выявлено около 120 списков П.

Большая часть сохранившихся списков П., как было выяснено в результате неполного ознакомления с ними Н. К. Гудзия, близка либо к тексту в «Римских деяниях» (далее: редакция РД), либо к тексту, опубликованному В. Н. Перетцем в УИ (далее: краткая редакция). Последняя отличается от редакции РД более конспективным изложением событий, а также особой трактовкой многих эпизодов (подробно об этом в ранней статье Н. К. Гудзия). Распространению редакции РД в русских рукописных сборниках в известной степени препятствовал ее сильный католический колорит и непривычный для русского книжника облик главного героя, в котором в этой редакции сочетаются черты монаха и наемного рыцаря. В краткой редакции П. католические подробности в известной мере сглажены, ее герой более традиционен и лишен сугубо западноевропейских черт (в миру он становится купцом и «великим воином»), что и обусловило, вероятно, большую популярность именно этой редакции.

Один из самых ранних списков памятника, входящий в сборник, составленный в Шаргороде в 1660 г. священником Григорием (ГБЛ, собр. Ундольского, № 527 — опубликован В. Н. Перетцем в СОРЯС), представляет собой авторскую редакцию, явившуюся результатом сильно сокращенного перевода польского текста «Римских деяний» на украинский язык с исключением почти всех диалогов.

Дальнейшая судьба П. о п. Г. в восточнославянской рукописной традиции определялась особенностями ее сюжета, содержащего ряд мотивов, актуальных для литературы нового времени (в первую очередь авантюрно-галантных), и, кроме того, открытого для проникновения элементов других повестей о кровосмесителе (более всего близкой по идее повести об Андрее Критском), а также фольклорных обработок той же темы и легенд о кающемся разбойнике. Все это приводит к возникновению нескольких особых редакций П. — документальной, фольклорной, галант-

ной и компилятивной, каждая из которых представлена единичным списком. Приспособление текста редакции РД (реже краткой редакции) к новым литературным потребностям происходит в них то путем подробной детализации эпизодов, что придает повествованию оттенок документальности (документальная редакция — ЦГАДА, Типографское собр., № 394, конец XVII в.), то, по словам М. И. Соколова, через изложение фабулы «почти былинным складом» (фольклорная редакция — ГИМ, собр. Соколова, № 15, XVIII в.), то с помощью развития содержащихся в сюжете авантурных и романтических мотивов в духе галантной литературы петровского времени (галантная редакция — БАН УССР, № 443, ц.-а. м. 0.4.75, XVIII в.).

Список ГБЛ, собр. Тихонравова, № 361, начало XVIII в., нами условно названный компилятивной редакцией, представляет собой произвольное соединение мотивов, весьма слабо связанных между собой, — П. о п. Г., повести о Андрее Критском и сюжета «Два великих грешника». При этом рассказ о судьбе самого Григория занимает менее половины текста. Возможно, что это даже не редакция, а новое произведение, возникшее в результате творческого соединения нескольких сходных сюжетов, отчего идея всесильности покаяния, трижды варьируемая в ходе повествования, приобретает особую убедительность.

П. о п. Г. явилась одним из предполагаемых источников (вероятно, в краткой редакции) повести об Андрее Критском, а позднее сыграла важную роль в сложном процессе взаимовлияния русских повестей на «Эдипов сюжет». Это произведение также вошло в состав «Вертограда многоцветного» *Симеона Полоцкого* («Блуд с сыном сотворшая мати»), хотя источником виршей Симеона скорее послужил польский или латинский текст «Римских деяний» (см.: *М а й к о в Л. Н.* Симеон Полоцкий // *Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий.* СПб., 1889. С. 99—100). В советском литературоведении проводилась также аналогия между П. о п. Г. и повестью Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (см.: *К р е с т о в а Л. В.* Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница»: (Из истории раннего русского романтизма) // *Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1961. С. 209—241). Свидетельством популярности П. является и ее переход в фольклор (устные переработки П. о п. Г. перечислены в ранней статье Н. К. Гудзия). Эти переработки, распространенные на Украине, в Белоруссии и в юго-западных районах России, характеризуются смешением подробностей разных редакций П., заимствованием элементов других типов «Эдипова сюжета» и сюжетов о кающемся разбойнике, заменой католических деталей православными и, наконец, смягчением и редуцированием эпизодов кровосмешения. В результате история папы Григория превращается просто в рассказ о необычном происшествии; процесс обмирщения П. о п. Г., наметившийся в ее особых редакциях, в фольклоре завершается.

Изд.: П.Л. Вып. 2. С. 418—420; Римские деяния / Изд. ОЛДП. СПб., 1878. Вып. 2. С. 338—361; *П е р е т ц В. Н.* 1) Из истории старинной русской повести // УИ. 1907. № 9. С. 49—52; 2) Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков // СОРЯС. Л., 1926. Т. 101. № 2. С. 121—124; *Г у д з и й Н. К.* 1) К истории легенды о папе Григории // ИОРЯС. Пг., 1915. Т. 19, кн. 4. С. 234—256; 2) Новые редакции повести о папе Григории // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 182—191.

Лит.: *К о с т о м а р о в Н. И.* Легенда о кровосмесителе // Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1. С. 309—341; *П е т р о в Н. И.* О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // ТКДА. Киев, 1872. № 8. С. 737; *D i e d e r i c h s V.* Russische Verwandte der Legende von Gregor, auf dem Steine und der Sage von Judas Jscariot // Russisch Revue. 1880. H. 9. S. 119—146; *S e e l i s c h A.* Die Gregoriuslegende // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1887. 19. S. 385—412; *В y s t р о ў J.* Polskie podania ludowe spokrewnio ze sredowieczna legenda o s swietym Grzegorz // Wista. 1888. 2. С. 762—766; *Д р а г о м а н о в М.* Славянские переработки

на Едиповата история. София, 1891 (Отд. оттиск по изд.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 5, 6, 11); G r a b o w s k i. Podanie o związkach między najbliższym rodzeństwem. Wista, 1892. С. 54—79, 279—299; С о к о л о в М. И. [Резюме доклада о принадлежащем ему сборнике повестей нач. XVIII в.] // Древности. Слав. Т. 3. Протоколы. С. 4; Я ц и м и р с к и й А. И. К славянским легендам о кровосмешении // Пошана. Сборник Харьковского Историко-филологического общества, изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 404—411; Г у д з и й Н. К. К легендам об Иуде Предателе и Андрее Критском // РФВ. 1915. № 1. С. 11, 18; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 166—171; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 88—92.

М. И. Климова

Повесть о победах Московского государства («Повесть известна о победах Московского государства, колики напасти подъяша за умножение грех наших от междоусобных брани от поганных ляхов и от литвы, и от русских воров, и како от толиких зол избавил ны всемилостивый господь бог наш своим человеколюбием и молитвами пречистыя его матери, и всех ради святых обращая нас в первое достояние своим человеколюбием. Написано вкратце») известна в единственном списке XVIII в. — ГПБ, собр. Погодина, № 1501. П. была написана в конце 20-х или на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в. Последнее описанное в ней событие — принесение в Москву дара шаха Аббаса царю Михаилу и патриарху *Филарету* в 1625 г. Главным аргументом в пользу указанной датировки служит тот факт, что автор, который проявляет повышенное внимание к судьбе захваченного Польшей в 1611 г. Смоленска, подробно рассказав о борьбе за его освобождение в 1613—1615 гг., ничего не сообщает о неудачной осаде города русской армией во главе с боярином М. Б. Шеиным в 1632—1634 гг.

П. имеет ряд отличий от других исторических произведений, посвященных событиям в России в начале XVII в. Все они определены тем, что ее автором был смоленский дворянин.

Совершенно необычное для литературных памятников о Смуте оптимистическое заглавие объясняется тем, что в отличие от других писателей автор П. оценивал все события первой четверти XVII в. с точки зрения общего исхода Смуты. Сохранив нарушенный в Смутное время феодальный порядок и национальную независимость, Россия одержала общую победу, которая была достигнута в результате малых и больших побед. Все победы одержаны при участии смоленских дворян, одним из которых, по-видимому, был автор П. Его цель состояла в том, чтобы представить смоленских дворян спасителями страны, указать на их выдающуюся роль в благополучном исходе Смуты, поэтому основное содержание повести составляет рассказ о тех событиях, в которых действия «смолян» имели решающее, по мнению автора, значение.

Замысел автора обусловил и хронологические рамки повествования. В отличие от других повестей и сказаний о Смуте «П. о победах...» начинается не описанием преступных деяний *Бориса Годунова*, а рассказом о подавлении восстания *И. И. Болотникова* в 1606—1607 гг., когда смоляне, согласно автору, совершили свой первый значительный подвиг, выступив против внутренних врагов.

Выделяется П. среди исторических повестей о Смуте более сложной сюжетно-композиционной структурой. Последовательно развивая основную тему — смоленские дворяне в Смутное время, — автор постоянно прерывает ее, обращаясь к другим, более частным темам. При этом он не исчерпывает их в одном месте, но развивает каждый сюжет, как правило, в нескольких отступлениях. Героические действия Скопина-Шуйского и история осады Смоленска раскрываются в трех отрывках, размещенных в разных частях повести. Несколько таких отрывков, посвященных разным темам и расположенных рядом, подчинены более общей теме. Например, тема «смятения велия», т. е. наступившего после свержения Василия Шуйского периода растерянности и безвластия, изложена в от-

рывках, рассказывающих о смерти Скопина-Шуйского, Клушинском поражении и измене шведских наемников, пленении Василия Шуйского поляками, признании королевича Владислава русским царем вопреки запрету патриарха *Гермогена*.

Примечательна в П. характеристика царя Василия Шуйского. Хотя все русские монархи вызывают у автора только почтительное отношение, Василию Шуйскому он посвящает восторженные панегирики, превосходящие своей эмоциональностью возвеличивания представителей новой династии *Михаила* и *Филарета* Романовых. Объяснение этому факту находится в тексте П., где неоднократно подчеркивается, что между царем Шуйским и смоленским дворянством в ходе гражданской войны установилось взаимное расположение. Смольняне преданно служили этому царю, оставаясь верными ему в самые сложные моменты его царствования — в борьбе с крестьянской армией Болотникова и с «тушинским воем», которого поддерживали польско-литовские войска. Василий Шуйский, в свою очередь, постоянно отличал смольнян среди других дворян, «много жаловал и их службу и радение пред всеми похвалял».

Работая над П., автор опирался не только на личные наблюдения, но доверялся рассказам земляков, которые сообщили ему о подробностях обороны Смоленска, прибегал к помощи Разрядных записей. В П. обнаруживается влияние довольно значительного круга как современных автору, так и более ранних произведений. «П. о победах. . .» — единственный памятник, в котором нашло заметное отражение «*Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина*». Настроения создателя «Писания. . .» были близки автору П., искренне сожалевшему о неожиданной смерти народного героя. Он также считал, что Скопин был умерщвлен завистливыми боярами, поэтому в рассказе о смерти воеводы использует «Писание. . .» и как источник, и как литературный образец. Сохранив почти все плачи «Писания. . .», но переделав их, он написал плач княгини Александры Васильевны, жены Скопина, который отличается от ее плача в «Писании. . .» лиризмом, большим объемом и является последним из известных в древнерусской литературе вдовьих плачей, первоначальным образцом которых был плач княгини Евдокии из «*Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго*». Весь рассказ об осаде Смоленска в П. обнаруживает зависимость от «Повести о взятии Царьграда» турками в 1453 г. *Нестора Искандера*, так как в глазах автора П. падение Смоленска имело для России такое же значение, как падение Константинополя для Византии. Панегирические портреты царя Феодора и Бориса Годунова из «Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича» патриарха *Иова* служили примером автору П. при создании образов Скопина-Шуйского, царя Василия Шуйского и др. В заключительной части П. автор использует идею сказаний о даре шаха Аббаса, согласно которой «божественный дар» — «риза Христова» послана богом Михаилу и Филарету Романовым в знак благоволения к ним, как свидетельство окончания всех бедствий, прощения грехов русского народа.

Среди идеализированных образов положительных героев выделяется в П. своей сложностью образ Козьмы Минина. Он тоже обладает идеальными чертами, но подробный, часто реалистически написанный рассказ о действиях Козьмы Минина делает этот образ жизненно правдивым.

Рассказывая о подвигах смольнян, автор П. описал все важнейшие эпизоды Крестьянской войны и национально-освободительного движения. Поскольку автор П. был одним из этих смольнян, то повесть насыщена его собственными впечатлениями и такими подробностями и фактами, которые не встречаются ни в других литературных произведениях, ни в документальных материалах. Ценные известия находятся в рассказе о деятельности Козьмы Минина, который, сталкиваясь с отказом богатых жителей Балахны и Ярославля обеспечивать ополчение материальными средствами,

выполнял «приговор всея земли», прибегая к насилию. Впервые в источниках русского происхождения в П. названо имя человека, который взорвал во время последнего штурма Смоленска древний Успенский собор, заполненный не пожелавшими сдаваться в плен защитниками и жителями города. Пороховой склад под собором поджег посадский человек Андрей Беяницын. Вместе с другими неизвестными до сих пор фактами эти сообщения указывают на значение «П. о победах. . .» для изучения истории страны в начале XVII в.

Широкое привлечение разнообразных источников, хорошее знание событий начала XVII в. и несомненный литературный талант помогли автору «П. о победах. . .» создать произведение, содержащее оригинальное изложение событий целой эпохи.

Изд. Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: Енин Г. П. 1) Вариант повести о князе М. В. Скопине-Шуйском // Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Л., 1975. С. 16—17; 2) Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. М., 1977. С. 12—22; 3) Новый источник по истории России начала XVII века // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979. С. 132—143.

Г. П. Енин

Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого — литературное произведение XVI в., известное в единственном неполном списке в составе летописного сборника (ГИМ, Синодальное собр., № 645, л. 423—427). В П. излагается, как московским правительством Елены Глинской был устранен удельный князь Андрей, брат умершего великого князя Василия III. Эти события освещены также под 1537 г. в *Воскресенской летописи* (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 292—295), в *Вологодско-Пермской летописи* (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 322—323) и в других источниках. В отличие от официальных летописных известий П. о п. А. С. полна сочувствия к своему герою и к его сторонникам.

В П. отсутствует заголовок, выделены только киноварью начальные строки двух сохранившихся в списке частей текста: «О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим грех ради наших» и «О изменниках князю Ондреевых Ивановича». Отсутствует в списке и конец. П. была замечена еще Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, а опубликована в 1944 г. М. Н. Тихомировым — с условным названием. И. И. Полосину и Р. Г. Скрынникову принадлежит истолкование П. как источника по истории опричнины Ивана Грозного. И. И. Смирнов и А. А. Зимин, исследуя мятеж 1537 г., также обращались к этому литературному произведению.

П. о п. А. С. носит черты зависимости от летописного жанра: события излагаются с ссылкой на даты («В лето 7045-го», «И того же месяца в 12», «Того же лета мая в 2», «В то время»), лаконично и с большой выразительностью. В первом отрывке автор П. сообщает о замыслах малолетнего *Ивана IV* и его матери Елены, «как бы им князя Ондрея Ивановича вымать и. . . людей его от нево отвесть», об отсылке из Старицы на Коломну воеводы и детей боярских; рассказывает он и об аресте в Москве Ф. Д. Пронского, посланного туда князем Андреем Старицким. Сам Андрей Иванович, «истерпевшись от своих великих обид», оставляет Старицу и на пути делает первую остановку в Бернове.

Вторая часть П. начинается с побега к Москве дворянина В. Ф. Голубова, оповестившего перед этим дьяка великого князя о выступлении Андрея Ивановича из Старицы. По мере следования князя от Старицы к Новгороду подобные побеги учащаются. Пойманного беглеца Андрея Валуева по приказу старицкого князя подвергли пытке («повеле . . . свя-

зати руке и нозе и вергоша его в озерко») и допросу об участниках измены. Перечисление «многих» привело к тому, что Андрей Старицкий не стал никого из названных лиц наказывать, «понеже не всех тех переветати». На подмогу Андрею Ивановичу направляется из-под Коломны его воевода князь Юрий Оболенский, «утоясь у воевод великого князя и детей у боярских». Встреча воеводы и старицкого князя происходит на «Ноугородцкой дороге, на речке на Березае». Андрей Иванович обрадован приездом воеводы, он осыпает его «дарми многими». Но вот на пути князя Андрея в селе Тухолех предстают московские воеводы с И. Ф. Телепeneвым-Оболенским Овчиной во главе. Андрей Иванович готов вступить в неравную борьбу: «и восхотеша с воеводами с великого князя битися». Но москвичи предлагают князю вступить в переговоры, обещая отпустить его «невредимо», по воле великого князя Ивана Васильевича и великой княгини Елены. За ночь до начала переговоров из лагеря Андрея Старицкого бегут князь К. Ф. Пронский-сын, шут Гаврила Воеводич и даже ключник погребной Волк Ушаков. На другой день московские воеводы подтверждают безопасность старицкого князя «и съ его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо». Князь Андрей направляется к Москве. На пути, у Хлынска, люди из окружения старицкого князя, названные в П. «столпниками» (видимо, «стольники»), обсуждают возможность «сложити с собою князю Ондрею Ивановичу крестное целование, убоявся поиманья от великого князя». С твердостью отказывается от этой возможности Иван Иванович Колычев Умный. На этом месте текст П. обрывается.

П., по-видимому, заканчивалась теми же известиями, что и рассказ об Андрее Старицком в летописях: описанием ареста и гибели князя Андрея и заточения его жены и сына.

Наиболее существенным отличием П. от рассказа летописи является отсутствие в П. сведения о попытке князя Андрея бежать в Литву, «за рубеж». Не объяснено также в П., в чем состояли «великие обиды» Андрея Ивановича на московских правителей.

Весьма вероятно, что П. не мыслилась как самостоятельное произведение и создавалась в качестве дополнения к летописным статьям. Возникла она, по-видимому, в кругах близких последнему удельному князю Андрею Старицкому. По мнению М. Н. Тихомирова, автор был близок к князьям Оболенским. Возникновение П. вероятнее всего относить к 1530-м гг., вскоре после гибели Андрея Ивановича Старицкого.

Изд.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVII в. // Изд. М., 1941. Кн. 10. С. 84—87 (то же // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220—224); ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 356—357.

Лит.: Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 53—74; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 243—247; Полосин И. И. «Повесть о поимании князя Андрея Старицкого» — источник для истории опричнины Грозного // И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 58—63; Крыльников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1966. Т. 294. С. 27, 69 и др.

О. А. Белоброва

Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли, како и от чего и откуда начало изыде тех бед и напастей написана в 1654 г. Заглавие П. имеет добавление: «Выписано из летописных книг и от иных повестей». Тем самым автор указал на компилятивный характер своей П. о событиях начала XVII в. в России. Неоднократно повторяя это указание в тексте, он называет в некоторых случаях конкретные источники. Так, о Борисе Годунове и царе Феодоре Ивановиче он сообщает «яко же о нем писано в житии его», имея в виду «Повесть о честном житии царя

Федора Ивановича» патриарха *Иова*. Под «летописью русской» автор подразумевает *Никоновскую летопись* с ее продолжением — «*Новым летописцем*», из которого в П. больше всего заимствований: описание гибели царевича Димитрия, рассказ о гонениях Бориса Годунова на митрополита Дионисия и на бояр, история Лжедмитрия I, сообщение о распространившемся при Годунове разбойничестве и борьбе с ним и т. д. Подобно авторам Хронографа редакции 1617 г. и «*Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов*», автор П. к событиям начала XVII в. в России приводит параллели из истории Византии. Из «Сказания» *Авраамия Палицуна* в П. использованы помимо других известных описание пожара в Москве после смерти царевича Димитрия, голода 1601—1603 гг., венчания на царство Бориса Годунова и др. Из отдельных замечаний автора ясно, что он и сам был современником Смуты, но полная зависимость от перечисленных произведений снижает ценность П. как исторического источника. Автор П. и не ставил своей целью сообщить что-то новое о давно минувших событиях, но проявляет самостоятельность в их осмыслении. Заметно желание автора П. подробно объяснить все, о чем в источниках только упомянуто или недоговорено. Например, противопоставление злодеяний Бориса Годунова и его заботы о народе во время голода в ранних произведениях дается только путем перечисления фактов. В П. оно имеет обширный разъясняющий комментарий. Добрые дела не избавили Бориса от божьего суда, потому что богу «его добродетели не угодно бысть», ибо он убил своего господина и захватил его «достояние».

Внутриполитические события Смуты в П. часто изображаются как проявления социально-классовой борьбы: поддерживавшие первыми Григория Отрепьева донские казаки преследовались правительством Годунова; принявшие самозванца многолюдные «украинные грады» были сплошь заселены беглыми крестьянами и холопами; армию *И. И. Болотникова* составляли «холопи боярские и донские казаки», которые казнили «во всех градах бояр и воевод. . . и дворян честных»; неудача ополчения князя *Д. Т. Трубецкого* имела своей причиной «нелюбие» «уездных людей» к дворянам.

Рассказ о Смутном времени выполнял в П. служебную роль. Намерение автора заключалось в том, чтобы показать польского короля и «сенаторей» главными виновниками разорения России и гибели множества русских людей. Эту мысль он последовательно доказывает на протяжении всей П., перечисляя их «неправды». Согласно автору П., польское правительство сознательно воспользовалось внутренними неурядицами России для нападения на нее с целью установить «латинскую веру». Других причин не было, поскольку «ни земли их не захотим, ни ссоры порубежные с ними ни сотворихом, но пребывающе в мире и любви мнозе». Поляки причинили неисчислимое зло русскому народу, лишив жизни множество людей, огнем и мечом уничтожив города, монастыри и деревни.

Через всю П. проходит мысль о божественной справедливости. Бог наказал русский народ «за грехи», но он и защитил его, сохранил страну и православие в России. Все виновники «московского разорения», начиная с Бориса Годунова и Отрепьева, наказаны, теперь пришло время возмездия для Польши. Наказание уже началось, как видно из того, что в Польше сложилась обстановка, подобная ситуации в России в начале XVII в. Орудием божественного возмездия должна стать Россия, потому что кроме мести за «разорение» у нее имеются еще причины наказать «еретиков». Главная из них состоит в том, что поляки, когда-то сами бывшие в православии, притесняют в «Малороссии» православных христиан, которые обратились к царю с просьбой о защите и помощи.

П. представляет собой настоящий политический памфлет, который содержит доказательства справедливости начатой Россией войны и откровенный призыв к беспощадному возмездию: «. . . день отмщения настит,

и время воздаяния належит нечестивым, и унижения гордым». Автор П. является представителем крайнего направления, образовавшегося в России в период длительного обсуждения вопроса о присоединении Украины к России, т. е. вопроса о войне с Польшей.

Весьма пристрастный в суждениях о поляках, автор П. не менее субъективен и в отношениях к своим оппонентам, которых характеризует довольно оскорбительными словами. Тот, кто упрекает его в том, что он радуется кровопролитию в Польше, «той зело млад есть не токмо леты, но и умом», ибо и сам не помнит, и из книг и устных рассказов не познал всех бед «от тех еретиков».

Стилистические особенности П. обусловлены в значительной мере ее компилятивным характером и публицистической задачей автора. Экспрессивные риторические восклицания по поводу несчастий страны были свойственны всем литературным источникам П., как и не менее эмоциональные обвинения по адресу поляков, хотя здесь автор чаще всего проявляет собственную инициативу. Ссылки на библейские книги традиционны для всей древнерусской литературы, однако П. отличается особенной продуманностью в их использовании. Во-первых, в ней присутствуют цитаты почти исключительно из Псалтири. Во-вторых, их чрезвычайно много, и они заключают каждую мысль, каждый аргумент автора. Отличительной чертой стиля написанной книжным языком П. служит традиционное по содержанию, но изложенное в стихотворной форме начало. Автор говорит в нем о сложностях творчества:

Труд душевный глаголати понужает мя,
а язык молчати осужает мя;
болезни сердечныя вещати наставляють,
а мысли разумныя душу оставляють;
очи желают точити слезы,
и душа моя болезнует, еже прияти мысли трезвы.

П. дошла до нас только в двух списках, которые сохранились в сборниках второй половины XVII в., — ГБЛ, собр. МДА, № 201 и 203. Список П. в рукописи № 203 весь испещрен поправками и добавлениями, написанными над строками и на полях рукописи. Список № 201 представляет собой беловой вариант списка № 203, ибо в него бережно внесены все добавления и поправки из списка № 203. Обе рукописи ранее входили в состав библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Сборник № 203 содержит вкладную записку бывшего владельца *Симона Азарьина*. Исходя из этого А. Н. Попов признавал список П. в сборнике № 203 автографом Симона Азарьина, а его самого автором П., тем более что не видел в монастыре в середине XVII в. другого писателя, способного создать подобное произведение. Новейшая исследовательница П. Н. М. Уварова подтвердила предположение А. Н. Попова. По ее мнению, «отношение к тексту „Повести“ в сборнике № 203 и характер исправлений позволяют предполагать, что переписчик и автор повести, по-видимому, являются одним и тем же лицом», а произведенный ею палеографический анализ свидетельствует о том, что оба списка написаны рукой Симона Азарьина.

Наблюдения А. Н. Попова и Н. М. Уваровой позволяют уточнить сравнение П. с другим сочинением Симона Азарьина — «Книгой о новоявленных чудесах преподобного Сергия» (ПДП. СПб., 1888. Вып. 70. С. 1—131). Их сближает ряд признаков: время и обстоятельства их появления, содержание и стиль. Отдельные факты и события в них описаны в сходных выражениях, иногда совпадающих дословно.

Изд. Попов А. Н. Повесть о разорении Московского государства и всеа Рос-
сийския земли // ЧОИДР. 1881. Кн. 2, разд. 9. С. 1—51.

Лит.: Леонид, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной акаде-

мии). М., 1887. Вып. 1. С. 86—92, 140—156; Платонов. С. 396—401; ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 66—67, 256—257; У в а р о в а Н. М. Симон Азарьин как писатель середины XVII века: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1975; К л и т и н а Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 298—307.

Г. П. Енин

Повесть о Скандербеге, князе Албанском, знакомит русского читателя XVII в. с биографией албанского князя Георгия Кастриота (1404/5—1468 гг.) и с его борьбой против турецкого нашествия. Согласно П., его отец, Иван Кастриот, вынужден был отдать сыновей султану в заложники. При дворе султана Георгий был обращен в мусульманство и стал знаменитым полководцем, за что получил в честь Александра Македонского имя Скандербег (Искандер-бег). После смерти Ивана Кастриота султан отравил братьев Скандербега, и тот, боясь такой же участи, воспользовался поражением турок от венгерского и польского королей в битве при Неше на реке Мораве и ушел с албанскими воинами на родину. Там он собрал союз албанских князей и при поддержке сербских и некоторых итальянских правителей, Венеции и папы Пия II повел успешную войну против турок, препятствуя не только завоеванию Албании, но и проникновению турок в Европу. В войне Скандербег действует против полчищ врагов малыми силами, умело применяя партизанские методы в условиях горной Албании и используя неприступность ее крепостей. Только после смерти Скандербега туркам удалось добиться успехов, взять ряд крепостей, в том числе столицу Албании Крою (Крую). В городе Леше турецкие солдаты раскопали могилу Скандербега и сделали из его костей амулеты.

П. о С. посвящена реальному историческому деятелю и, казалось бы, должна представлять собой сочинение исторического жанра. Большая часть ее — описание военных действий, дипломатических переговоров, рассказы о судьбах как соратников Скандербега, так и его врагов. В европейской литературе XV—XVI вв. интерес к Скандербегу был велик, и о нем писались книги.

Путь истории о Скандербеге к русскому читателю довольно сложен. Непосредственным источником русской повести считается *Хроника Мартина Бельского* (1495—1575), на что указано в заглавии большинства списков: «Повесть о Скандербеге, княжати Албанском, выложена с польские кроники на руское, с Мартинова писма Бельского». Однако труд Бельского отличается своим компилятивным характером. В истории Скандербега им использовано сочинение младшего современника Скандербега — Мартина Барлетия (1450—1512), жителя города Шкодера, отчего его еще называют Мартин Скадранин, и анонимная южнославянская (или сербская) повесть, отождествившая Скандербега с его союзником и родственником — сербским владельцем княжества Зета Стефаном Черноевичем. Повесть о Скандербеге-Черноевиче также восходит к книге Барлетия.

Исследователи заметили существенное отличие русской повести от 4-й главы *Хроники Мартина Бельского* — как по идейной направленности и характеристике главного героя, так и текстуально. Сравнение русской повести с Повестью о Скандербеге-Черноевиче позволяет говорить об их большем взаимном сходстве, чем о близости русской повести к *Хронике Бельского*. Возможно, что ссылка на Бельского появилась у позднейших переписчиков, сопоставивших русскую повесть с широко известной *Хроникой* (переведена в 1584 г.) и не знакомых с южнославянской повестью (от конца XVI—начала XVII в. до нас дошел один список — ГПБ, Q.IV.341; опубликован: Л а в р о в П. Разбор труда П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем» . . . , представленного на соискание премии проф. Котляревского // СОРЯС. СПб., 1906. Т. 81. С. 57—106).

Барлетий строил свое повествование на легендах, устных преданиях, что делало его книгу произведением скорее литературным, нежели историческим. Это расхождение с исторической действительностью было воспринято и русской повестью, отличающейся большим количеством неточностей. На самом деле братья Скандербега не были отравлены, сам он не бежал из турецкого войска, а был отправлен султаном Муратом на родину в качестве санжака и только потом поднял Албанию на борьбу с турками, султан Мурат умер не под стенами Круи, а уже вернувшись в Адрианополь, и пр.

Следуя за предшествующими ей сочинениями, русская повесть излагает военные события в хроникальном стиле, нигде не прибегая к характерным образам воинских повестей. В центре памятника стоит народный вождь Скандербег, его военное искусство, его патриотизм, его забота о подданных и воинах. Большое место в П. занимают его речи, обращенные к народу, и его послания к врагам. Жизненный путь Скандербега завершается последней битвой, ради которой он встал со смертного одра, «скорбно изнемогаючи». Автор наделяет своего героя и чисто житейскими чертами. Так, Скандербег долго скрывает свое намерение, изменив султану, вернуться на родину. Для этого он льстит султану («О милостивый царю Амурате, не умре отец мой, ни братия моя, никто ближних приятелей моих, коли ты здрав, Амурате!»), доказывает свою преданность, одерживает для него победы.

Этот интерес к человеку с его особым индивидуальным характером — новая черта, появившаяся в древнерусских сочинениях начала XVII в. (И и х а ч е в Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 7, 14—16).

Устно-поэтические мотивы, заимствованные из книги Барлетия и перенесенные в русскую повесть, обусловили ее легендарно-беллетристический характер. Легендарны приметы, связанные с рождением Скандербега, — его мать видела вещий сон, будто бы она родила ужа, который гонит и кусает турок. На плечах Скандербега было знамение в виде меча. Традиционная тема издевательских подарков — Скандербег посылает турецкому полководцу, албанцу по происхождению, Балпбану-паше соху и предлагает ему вернуться на родину и по-старому пахать землю (ср. с началом *Легендарной переписки Ивана Грозного с турецким султаном*: «Плужному моему ратаю и тележному паганатаю. . .»). К устному творчеству можно отнести пословицы и афоризмы, которыми насыщена П., например: «спритагаешь меня к себе гладким словом, что магнит железю»; «что глухому сказывать, коли не слышит, а глутому, коли не разумеет»; «малые люди великих бьют, потому что их много, а нас мало и нам есть кого бить, а им некого» и пр. Отголоском народных плачей можно считать плач по Скандербегу его соратника Лека Дукаина: «Ныне города наши и стены повалились, ныне сила и слава наша вся упала, ныне надежда наша вся миновалась. . .».

Русская повесть, так же как и южнославянская, в меньшей степени, чем Барлетий и Бельский, использует книжные примеры и аналогии. Так, в нее не проникли ссылки на античных авторов, сравнение речей Скандербега и Цицерона, а также Скандербега и его противников с полководцами древности — Александром Македонским, Пором, Дарием, Ксерксом и др. Книжные темы и сюжеты сохранились в тех случаях, когда они отвечали интересам и знаниям русских читателей. Прежде всего это рассказ о взятии Царьграда турками в 1453 г. *Нестора Искандера*. Повесть об этом событии, широко распространенная в русских рукописях, соседствует в сборниках с П. о С. О взятии Царьграда повествуется у Мартина Бельского, в сочинениях *И. Пересветова*, в *Хронографе* 1617 г. Тема падения Царьграда непосредственно связана с борьбой Скандербега против турок, ибо, как признается султан Амурат перед

смертью своему сыну, будущему завоевателю византийской столицы, — «уже бы в то время Царьград взял, только бы мне не Скандербег мешал».

Вслед за авторами XV в. в русской П. о С., хоть и кратко, излагается теория смены царств. Скандербег пишет в назидание султану: «Разумей перемену часов и памятуй, где халдеи, где миди, где персы, где сиряне, где греки, где римляне, где индейне — все те именовались государи всего света».

В П. о С., как начиная с XV в. и в некоторых других памятниках древнерусской литературы, поднимается вопрос о происхождении турецких султанов. В противовес турецким хронистам и некоторым византийским историкам в древнерусской повести начала XV в. о *Темир-Аксаке*, в сочинениях Ивана Пересветова, Мартина Бельского, у публицистов первой четверти XVII в. и авторов *Повестей о взятии Азова* говорится о низком происхождении османских правителей — от разбойничьих атаманов.

Наконец, в П. о С. идет религиозно-идеологическая полемика о превосходстве вер: султан призывает Скандербега вернуться к мусульманству, Скандербег же видит единственное спасение султана и его подданных в принятии христианства. Обычно эти вопросы дебатировались в вымышленных публицистических посланиях, написанных по единому образцу (ср. переписку с султаном Ивана Грозного, цесаря Леопольда с перепиской Скандербега).

П. о С. относится к памятникам беллетристической публицистики антитурецкого направления, начинающейся *Повестью о двух посольствах*, Азовскими повестями и кончающейся вымышленными посланиями султана запорожским и чигиринским казакам и европейским государям, созданными во второй половине—конце XVII в. Во всех этих произведениях турки выступают врагами всего христианского мира. На этом фоне П. о С., рассказывающая об успешной борьбе с турками, отвечала политическим интересам русских читателей, ощущавших реальную угрозу военных столкновений с Турцией и находившихся в почти постоянном военном противостоянии с союзными Турции татарскими государствами.

Исследование П. о С. нельзя считать исчерпывающим. Рукописная традиция ее изучена недостаточно. Известно 10 списков памятника второй половины XVII в. В основу двух изданий (Н. Н. Розова и П. Н. Попова) положены разные списки, причем представления издателей о движении текста диаметрально противоположны: Н. Н. Розов считает представителем архетипной группы список ГПБ, Соловецкое собр., № 1495/36 (но не середины, по датировке Розова, а 70—80-х гг. XVII в.), П. Н. Попов считает первичным список ГБЛ, собр. Егорова, № 862 (второй половины XVII в.), сохранивший большее количество украинизмов (или полонизмов). Ни одним издателем не представлена стемма соотношения списков. Недостаточно аргументирована датировка П. концом XVI—началом XVII в. Требуется дополнительных доказательств предположение о ее появлении на Украине либо в пограничных с Польшей областях Украины или Белоруссии. (Нет никаких препятствий для отнесения памятника к среде московских деловых кругов). Наконец, автор П. определен только как писатель-публицист — без каких-либо, хотя бы предположительных, попыток связать его с социальными и литературными кругами его времени.

Изд.: Повесть о Скандербеге / Изд. подгот. Н. Н. Розов и Н. А. Чистякова. М.; Л., 1957 (сер. «Литературные памятники»); Попов П. М. Албаниа в російській та українській літературах XV—XX ст. Київ, 1959. С. 43—111, 258—295, 314—315.

Лит.: Димитрова А., Янакиев М. Предания за исторически лица въ българскитѣ народни умотворения // Известия на семинара по славенска филология на Университета въ София. София, 1948. С. 510—511; Розов Н. Н. Повесть о народном герое Албании в древнерусской письменности // ИОЛЯ. 1953. Т. 12, вып. 6. С. 497—509; Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая исто-

рия Албании / Под ред. А. Ф. Миллера. М., 1965. С. 20—33; Д у и ч е в И. С. Георги Кастриоти-Скандербег в славянската литература от XV—XVII в. // Георги Кастриоти Скандербег (1468—1968). София, 1970. С. 79—110.

М. Д. Каган

Повесть о создании и поплении тройском создана древнерусским книжником (вероятнее всего — составителем первой редакции *Русского хронографа*) на основе двух источников: рассказа о Троянской войне в *Хронике Константина Манассии* (главы «Зде поведует како вечернии елини и восточнии междусобнуя рать сътвориша велику некогда») и южно-славянского перевода повести о Троянской войне; текст ее под заглавием «Повести о известованных вещей еже о кралех прича и о рождених и пребываних» (в литературе повесть именуется обычно «Притча о кралех») известен в составе Ватиканского и Софийского списков болгарского перевода «Хроники Константина Манассии». (Он издавался в составе текста «Хроники», а также отдельно; см., например: В е с е л о в с к и й А. Н. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 2. Славяно-романский отдел // СОРЯС. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 25—121). Искусно соединив в единое повествование фрагменты из обоих текстов, древнерусский книжник создал свой самостоятельный рассказ о событиях Троянской войны. Повествование начинается рассказом об основании Трои, затем излагается история Париса (в повести он именуется Александр Фариж) и похищения Елены, описываются поход греков на Трою, осада и взятие города, сообщается о последующей судьбе героев (по этой версии Менелай отрубает головы Елене и Парису). П. вошла в состав 106-й главы Хронографа редакции 1512 г. (см. Русский хронограф); она читается также в составе Хронографа Западнорусской редакции и Хронографов редакции 1599 и 1601 гг. В редакциях Русского хронографа XVII в. эта П. была заменена другим рассказом о Троянской войне, восходящим к *Хронике Мартина Бельского* (Повестью о златом руне волшебного овна). Известно несколько списков П. в составе рукописных сборников XVII—XVIII вв., куда она была выписана из Хронографа. Кроме того, П. вошла в состав первого тома *Лицевого летописного свода* (ГИМ, Музейское собр., № 358, л. 1003—1028 об.), где она соседствует с другим памятником, посвященным рассказу о событиях Троянской войны, — переводом «*Троянской истории*» *Гвидо де Колумна*. П. была наиболее распространенным в древнерусской литературе произведением по мотивам Троянского эпоса (см. также: «*Повесть о златом руне волшебного овна*», «Троянская история», *Хроника Иоанна Малалы*).

Изд.: П и п и н. Очерк. С. 50—56, 306—316; Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 218—224; Русский хронограф. Хронограф Западнорусской редакции // ПСРЛ. СПб., 1914. Т. 22, ч. 2. С. 37—43; Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков / Подгот. текста и статьи О. В. Творогова; коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»).

Лит.: П о п о в. Обзор. Вып. 1. С. 124—126; Адрианова-Перетц и Поуровская. С. 118—123; Н а з а р е в с к и й. Библиография. С. 162—163; Истоки беллетристики. С. 277—281.

О. В. Творогов

Повесть о старце, просившем руки царской дочери, — один из наиболее ранних памятников русской беллетристики (светского сюжетного повествования). В основе П. лежат два популярных фольклорных сюжета: новеллистическая сказка о женитьбе на царской дочери (ср.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 862 = Аарне—Андреев, № *841¹) и волшебная сказка о духе в бутылке (№ 331). В П. рассказывается, как некий старец был смущен словами Евангелия от Матфея: «Толците — отвярзется вам, просите — дасться вам; ищите — обрящете». Он добрался до царских врат и толкнул в двери; царь пустил

его. Обрадованный подтверждением первой части евангельских слов, старец просит царя дать ему дочь в жены. После однодневного размышления царь не отказывает старцу в его просьбе, но предлагает добыть сперва «камень драгий самоцветной». В пещере мертвого отшельника в Лукоморье старец находит стеклянный сосуд, в котором «вечто борчит, акы муха». В сосуде оказался бес, запечатанный положенным сверху крестом (мотив, встречающийся и в житийной литературе). Старец согласился выпустить беса из сосуда, если тот пообещает ему добыть из моря драгоценный камень. Бес, ставший огромным, бросился в море, вынес камень и отдал старцу. Испытание, задуманное старцем, тем самым как будто заканчивается; евангельские слова подтвердились; но П. о с. этим не заканчивается — она продолжается в соответствии с сюжетом волшебной сказки. Старец спрашивает беса, может ли он опять уменьшиться, чтобы залезть в сосуд, — бес уменьшился и вскочил ему на ладонь; старец снова запечатал его крестом. Конец П. оказывается неожиданным для читателя. Верный обещанию царь, получив от старца драгоценный камень, соглашается отдать ему свою дочь, но старец отказывается: он хотел только проверить верность евангельских слов. Он оставляет царю и драгоценный камень и дочь и возвращается в пустыню. П. о с. дошла до нас в нескольких редакциях. Древнейшая ее редакция, краткая (по классификации Н. Н. Дурново), сохранилась в единственном списке — ГПБ, Софийское собр., № 1478, — составленном не позднее первой трети XVI в.; наиболее вероятная дата написания П. — конец XV в.

Судьба П. о с. во многом совпадает с судьбой других беллетристических памятников — *«Александрии»*, *«Стефанита и Ихнилата»*, *«Повести о Дракуле»* и других. Фольклорное происхождение предопределило ряд стилистических особенностей П. В отличие от большинства письменных памятников того времени в П. о с. действуют анонимные персонажи, не претендующие на историчность. Речи действующих лиц кратки, лаконичны и непосредственно связаны с действием. «Царю господине! Есть у тебя дщи — дай ми ее!» — просит герой П., старец. «На утрие ответ дам ти, старче», — столь же лапидарно отвечает царь. «Дщи твоа тебе, и камень драгий тебе», — заявляет старец в заключение П. Необычное поведение старца — его сватовство к царской дочери — в краткой редакции, в соответствии с принципами сказочной поэтики, никак не мотивируется. Все это никак не соответствовало дидактическим принципам обычных в духовной литературе «полезных повестей».

Дальнейшая судьба П. о с. предопределялась ее литературным своеобразием. От XVI в. не дошло больше ни одного списка П. Две последующие редакции — обычная и сводная — относятся к XVII и последующим векам; пространная редакция представлена только списками XIX в.; в XIX в. был записан также ряд устных версий П. о с.

Редакторы XVII и последующих веков пытались устранить непривычные особенности П., усилить этикетные черты и придать ей традиционный «учительный», дидактический характер. Они дали имена анонимным героям: в обычной редакции старец стал именоваться «преподобным Варлаамом», царь — Феодосием, и даже бес получил имя Телокх (или Гелокх). Получило разъяснение и странное сватовство старца к царевне; в обычной редакции царь выражал удивление по этому поводу: «Искушаеши мя, что сия глаголеши, яко неудобно есть чернецу женитися»; в сводной и пространной редакциях старец тут же цитирует евангелие, лишая тем самым сюжет его загадочности и занимательности. В краткой редакции бес, как и положено в сказке, был одурочен; в обычной редакции он заранее догадывался, для чего старец (уже получивший сокровище) просил его уменьшиться: «Что мя искушаеши, старче? Хочеши мя опять в корчагу сию вогнати?» — спрашивает он и тем не менее, хотя и постепенно, засовывая руки, ноги, голову, влезает в корчагу. «Старец мя обманул и в корчагу по пояс уже посади», — замечает бес, но продолжает вле-

зять. В пространной редакции была сделана даже попытка справедливого разрешения коллизии между сдержавшим свое обещание бесом и коварным старцем — вернувшись в пустыню, старец обращается с молитвой о прощении заточенного беса: «Аз, грешный, . . . кляхся ему свободити его, но и он, прелестник, . . . клятву свою не преступил, а я того беса в ковчеге паки загородил. . .». Ходатайство старца возымело действие: «. . . услышана бысть молитва твоя перед богом», — сообщают ему.

П. о с. стала предметом литературоведческого исследования довольно поздно — в начале XX в. — и была переиздана вторично лишь недавно. Вопрос об авторстве П. и о месте ее создания также не исследован.

Изд.: Д у р н о в о Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. Ч. 3. Повесть о старце, просившем руки царской дочери // Древности. Слав. Т. 4, вып. 1. С. 103—152, 322—326; ПЛДР. М., 1984. Вып. 6. С. 48—51 (коммент. С. 674—675).

Лит.: Д у р н о в о Н. Н. Повесть о старце, просившем руки царской дочери // Новый сборник статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 344—347; С м и р н о в А. И. Сборник великорусских сказок Архива РГО. Вып. 1—2 // Записки РГО. 1917. Т. 44. № 353; Истоки беллетристики. С. 361, 375—376, 384—385; Д е м к о в а Н. С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII в. // Вопросы сюжетной композиции. Горький, 1984. С. 33—41.

Я. С. Лурье

Повесть о Фроле Скобееве. Во всех 9 списках П. о Ф. С. (самый ранний из них относится к первой половине XVIII в.) автор прямым образом себя не проявляет. Это произведение строго эпическое, без авторских отступлений, без «мы»- либо «я»-фрагментов, даже без авторских оценок. Материалом для суждений об авторе могут быть лишь данные текста — язык и стиль, фабульные реалии и сюжет. Прежде чем обратиться к этим данным, необходимо заняться вопросом о датировке произведения.

Относительно датировки существуют две точки зрения. Согласно одной из них, П. возникла в конце XVII в. Единственное основание такой датировки — 1680 год, к которому отнесены похождения героя в некоторых списках. Не говоря о том, что при отсутствии научного издания мы не можем судить, содержалась ли эта дата в оригинале (или в протографе дошедших списков), использование ее в качестве датирующего признака — недоразумение. Речь идет о приурочении к определенному году описанного события, а вовсе не самого описания.

Вторая точка зрения, высказанная еще И. Е. Забелиным, поддержанная А. Н. Пыпиным, а в наше время подробно обоснованная Н. А. Баклановой, гласит, что П. о Ф. С. была создана в первые годы XVIII в., но до введения Табели о рангах, которая в тексте никак не отразилась. Аргументы в пользу такой датировки многочисленны и весомы. Указывают на то, что автор ведет свой рассказ как повествование о минувшем. Указывают также, что в бойком канцелярском стиле П. явно отразилась эпоха реформ Петра I: здесь часто и привычно употребляются такие заимствования из западноевропейских языков, как квартира, реестр, персона (в значении «особа») и т. д. Хотя порознь все эти варваризмы можно отыскать в русских документах XVII в., в частности в делах Посольского приказа, но, взятые в совокупности, они типичны как раз для текстов Петровской эпохи.

Сама стилистическая установка — на отказ от словесного этикета, от словесной «красоты» — характерна для этого периода. «В Новгородском уезде имелся дворянин Фрол Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелас дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах». Понять специфику этой установки помогает литературная политика Петра I, который был заказчиком, редактором и даже соавтором многих изданных при нем книг.

Петр предписывал литераторам «Посольского приказу употреблять слова». «Слова Посольского приказу» — это стиль канцелярского делопроизводства, стиль дела, а не извитие словес, стиль, который не заботится об изяществе и красоте. Им Петр объявил войну, отождествляя словесный этикет с косностью и шаблонным мышлением.

В этом отношении автор П. о Ф. С. — «птенец гнезда Петрова». Он пишет рублеными, небрежными фразами, о чем красноречиво свидетельствует канцеляризм «иметься» — единственный глагол начальных фраз, трижды кряду употребленный. Такая манера вовсе не говорит о том, что автор П. — плохой стилист. Это не плохой стилист, а литератор, который сознательно не ценит хороший слог (в средневеково-этикетном его понимании).

Для автора важна прежде всего интрига. Это понятно, поскольку П. о Ф. С. — первая русская плутовская новелла. Хотя ей и предшествовали опыты в этом жанре (например, *повести о Шемякином суде, о бражнике, о Карпе Сутулове*), но в них русский колорит представляет собою лишь поверхностное наслоение. Национальные реалии в ранних новеллах легко поддаются устранению или замене, и в итоге на первом плане оказывается интернациональный новеллистический субстрат.

Автор П. о Ф. С. завязывает интригу как мастер и чисто по-русски. В первой части П. действие протекает на святках — в период ряжения и эротических игр. Неигровое поведение Фрола Скобеева уместно для русского читателя именно в это время. Вторая часть П. построена на других принципах.

По отношению к первой она контрастна. Этот композиционный контраст воспринимается как сознательный авторский прием, как художественное замещение непредсказуемого сюжетного поворота, узаконенного поэтикой новеллы. Во второй части сюжетная занимательность отодвигается на задний план. Не события, а характеры, не поступки героев, а их переживания интересуют теперь автора. В первой части он был мастером интриги. Во второй он проявил себя знатоком психологии. Он — впервые в русской литературе — индивидуализирует речь персонажей, отделяет их высказывания от авторских. Из реплик героев читатель узнает не только об их действиях и намерениях — он узнает также об их душевном состоянии. Этой художественной переакцентуации соответствует медленное течение сюжета, его заторможенность диалогами и жанровыми оценками.

Фрол Скобеев — это типичная для XVII в. фигура, появившаяся в атмосфере утверждения и постоянного возрастания личностного начала. Похождения Фрола датированы 1680 г. Год спустя, как известно, в торжественной обстановке царь и бояре предали огню списки разрядных книг. Это был символический акт: отныне и навсегда надлежало служить «без мест». Решившись покончить с местничеством, верхи если не упразднили сословные перегородки, то сделали их преодолимыми. Такое хронологическое совпадение, даже если оно случайно, весьма знаменательно. Отныне путь к власти и богатству не был заказан «плутам и ябедникам», таким, как Фрол Скобеев.

Отмена местничества узаконила русский фаворитизм. На сцене истории появились выскочки вроде Нарышкиных, Скавронских и Гендриковых. Литературным воплощением этого реального типа стал Фрол Скобеев. Его «плутовская» женитьба на стольничьей дочери, его девиз «Буду полковник или покойник!» точно выражают стремление добиться успеха любой ценой, любыми средствами. Фрол Скобеев — это фаворит в миниатюре.

Социальная физиономия автора в общем ясна. Он всецело на стороне «новииков», Фрол Скобеев вызывает у него не осуждение, а полное понимание, даже восхищение. Высказывалось предположение, что автор П. — из московских подьячих (А. И. Соболевский). Это вполне вероятно, хотя представляет собою простую догадку (никаких побочных материалов

об авторе в нашем распоряжении нет). Более или менее твердо можно говорить лишь о московском жителстве или происхождении анонимного автора: он прекрасно знает топографию Москвы, хорошо разбирается в московских чинах, верно отражает быт московских сословий. Предположение о том, что автор — выходец из южных уездов России (М. А. Соколова), не представляется убедительным.

Изд.: Москвитянин. 1853. Кн. 1. Отд. 4. С. 3—16 (по копии с рукописи И. К. Куприянова; местонахождение рукописи ныне неизвестно); Москвитянин. 1853. Кн. 3. Отд. 8. С. 81—82 (варианты к предыдущему изд. по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1617); Б у с л а е в. 1) Историческая хрестоматия. Стб. 1439—1441 (фрагмент из первого изд. П.; то же во 2—12-м изд. «Исторической хрестоматии»); 2) Русская хрестоматия, 1917. С. 178—186 (по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 945); Сиповский. С. 59—70 (по рукописи собр. Титова, № 2461; местонахождение рукописи ныне неизвестно); Д у н а е в Б. И. Библиотека старорусских повестей: История о российском дворянине Фроле Скобееве. М., 1916 (перепечатка изд. В. В. Сиповского); П о к р о в с к а я В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве (по неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 264—297 (по рукописи ГБЛ, собр. Тихонравова, № 486; ГПБ, собр. Погодина, № 1617; БАН, № 45.8.1; собр. Титова, № 2461 — по изд. В. В. Сиповского, ГБЛ, собр. Ундольского, № 945; ГИМ, собр. Забелина, № 536); Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 326—334 (по изд. В. В. Сиповского с испр.; то же в других изд. «Хрестоматии»); С к р и п и л ь. Русская повесть. С. 155—166; Б е г у н о в Ю. К. 1) Тартуский список «Повести о Фроле Скобееве» // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1962. Вып. 119. Труды по рус. и слав. филологии. Т. 5. С. 364—375; 2) Бежецкие отрывки «Повести о Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 355—361 (по рукописи ГБЛ, ф. 218, № 1088); Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 686—696 (по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1617, с исправл. по изд. «Москвитянина», спискам Тартускому и БАН, № 45.8.1).

Лит.: Забелин И. Е. Еще несколько слов о «Фроле Скобееве» // Отеч. зап. 1853, май. Отд. 5. С. 107—108 (под загл. «Заметка о старинных повестях» перепечатано в кн.: Забелин И. Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 192—193); Пыпин. Очерк. С. 282—284; Веселовский. Памятники. Т. 2. С. 511—516; Яворский Ю. А. Отчет о деятельности ОРЯС АН за 1907 г. // СОРЯС. СПб., 1908. Т. 84. С. 53—54; Копонов Н. Н. Повесть о Фроле Скобееве // Древности. Слав. Т. 5. Протоколы. С. 6—7; Соколовский А. И. Повесть о Фроле Скобееве // Б у с л а е в. Русская хрестоматия, 1917. С. 177—178; Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1923. С. 67—68; Покровская В. Ф. Повесть о Фроле Скобееве (по неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 249—263; Соколова М. А. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве // Науч. бюлл. Ленингр. гос. ун-та. 1945. № 3. С. 33—34; Скрипиль М. О. История о Фроле Скобееве // ИРЛ I. Т. 2, ч. 2. С. 235—239; Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 511—518; Лихачев Д. С. Повесть о Фроле Скобееве // Истоки беллетристики. С. 558—561; Панченко А. М. Переводная и оригинальная новелла. Повесть о Фроле Скобееве // ИРЛ III. Т. 1. С. 380—384.

А. М. Панченко

Повесть о царе Василии Константиновиче («Сказание о царе Василе Константиновиче по имени града Костептина») — сказочно-легендарное повествование первой половины XVIII в. о причине падения Константинополя при богоотступнике — царе Василии Константиновиче и о победе над Турецким царством его сына царевича Константина.

Специальных исследований эта повесть не имеет. В 1905 г. она была издана по единственному известному списку В. В. Сиповским (ГБЛ, Музейное собр., № 2432, 1750 г.). В примечании к публикуемому тексту В. В. Сиповский, ссылаясь на указатель Крумбаха, глухо определяет П. о ц. В. К. как «русскую народную переделку чуждого произведения» и отмечает в ней «полустертую связь с какими-то византийскими сказаниями о борьбе Царьграда с магометанством» (с. LXIII).

На наш взгляд, П. о ц. В. К., вероятнее всего, навеяна победами, одержанными Россией над Турцией в русско-турецких войнах второй поло-

вины XVII—первой половины XVIII в., и влиянием широко распространенных в это время переработок *Повести (Сказания) о взятии Царьграда турками*, а также печатных изданий этого текста (обзор которых приведен в работе М. Н. Сперанского). Однако П. не может быть определена как историческое сказание о борьбе с Турцией: ей не свойственна историческая достоверность изложения, и факты, описанные в ней, носят вымышленный, сказочно-легендарный характер.

Достоверных исторических имен и названий в П. почти нет, кроме упоминания «града Константина» (Константинополя) и «Царьграда», а также имени «Константин», в действительности принадлежавшего последнему византийскому императору, при котором пал Константинополь в 1453 г. Однако автор П. при этом допускает серьезные исторические ошибки и два названия одного и того же города относит к двум разным городам, которые между собой обмениваются посольствами и воюют, а именем Константин называет царевича-победителя, в то время как царь-богоотступник, при котором турки овладели Константинополем, назван Василием Константиновичем, а не «по имени града Костентина» (как указано в рукописном заглавии П.). Большинство действующих лиц П. — либо вымышленные персонажи, наделенные псевдоисторическими именами, либо сказочные герои (царица Ирина Дмитриевна, царь «неверных» «Долмат Евсеевич», «бусарманский» царь «Салтан Салтанович», послы, ханы, пажи, вельможи и паши, богатыри, дочь царя Долмата «прекрасная царевна», «два разбойника Перша да Ивашка» и пр.). Привлечение традиционных сказочных образов и приемов устной народнопоэтической, сказовой речи (типа «ой-еси» и пр.) придает П. черты сказочного повествования, что усиливается фонетической манерой записи текста, присущей списку 1750 г. Тем не менее памятник едва ли может быть отнесен к числу устных (записанных со слов) народных произведений. По всей видимости, это произведение книжное: композиция П. нечеткая, осложненная; она состоит из двух частей, связанных между собой мотивом борьбы за православие двух раскаявшихся разбойников «Перши да Ивашки», исполняющих одновременно и роль послов царевича Константина.

Историческая правдоподобность повествования достигается автором традиционным для древнерусской литературы способом оформления событий как дипломатических и военных церемониальных отношений христианских царей с ханами, царями и султаном Турецкого царства, при этом в изложение включаются вымышленные легендарные тексты посольских грамот, писем и речей, а также описание посольского ритуала обеих сторон. В связи с этим лексика П. пестрит книжными оборотами речи, претендующими придать повествованию торжественный тон. П. свойствен некоторый шутейный элемент, связанный с именами «Перши да Ивашки» и текстами так называемых посольских грамот и речей, которые напоминают отчасти легендарную переписку чигиринских казаков с турецким султаном.

Тематика П., в которой победа христианского царевича Константина над Турцией изображена как своего рода реванш за поражение, некогда понесенное христианами из-за вероотступничества царя Василия Константиновича, а также тема беспощадного осуждения царя-богоотступника, отрекшегося от Христа (анти-Христа) и поэтому достойного, с точки зрения автора, самого жестокого наказания, — эта тематическая направленность в совокупности с лексическими особенностями памятника (слово «паж», например, начинает употребляться только со времен Петра I) позволяют предполагать демократическую среду и возможные границы возникновения П. о ц. В. К.: начиная с петровской поры до времени ее переписки в 1750 г.

Лит.: Розанов С. П. (Рец. на кн. В. В. Сиповского) // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 4. С. 272, 277; Адрианова-Перетц и Покровская. С. 248—249; Сперанский М. Н. Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызова: (Из истории русско-польско-болгарских связей на рубеже XVII—XVIII вв.) // Сперанский. Из истории. С. 211—224, 227.

Н. Ф. Дробленкова

Повесть о царе Казарине и о жене его — древнерусская повесть на сюжет византийской истории. В 695 г. в империи произошел переворот: император Юстиниан II был низвергнут, ему отрезали нос и выслали его в Херсон. Он бежал в Хазарию, женился на сестре (или дочери) хакана Феодоре, затем привлек на свою сторону болгарского хана Тервеля, с болгарским войском подступил к Константинополю и овладел им. Узурпатор Леонтий был казнен.

В П. о К. исторические факты изменены: император без оснований назван хазарином; рассказывается, что Леонтий будто бы был убит, когда ехал на охоту; что, вернув себе царство, Юстиниан отверг жену-хазарку и женился вторично. Покинутая жена прибыла в Константинополь, явилась во дворец и попросила встречи с императрицей. В ответ на ее упреки новая жена Юстиниана ответила: «Твой еси муж, и не обижу тебе», — покинула дворец и постриглась в монахини.

Исследовавший П. о К. Н. А. Мещерский отметил в ней русские черты. Отдельные сюжетные мотивы позволяют, по его мнению, утверждать, что в повести отразились устные легенды: так, название места казни Леонтия, пригорода Константинополя, именовавшегося Кинигий, что буквально значит «псовая охота», послужило, вероятно, источником версии, что Леонтий был убит, когда ехал «на ловы».

Повесть читается в составе сборников и как дополнительная статья после текста хронографа и летописи, при этом в ряде случаев она соседствует с *Повестью о царице Динаре* — возможно, потому, что не сам Казарин, а его настойчивая жена представлялась истинной героиней повести.

П. о К. читается после текста *Летописца Еллинского и Римского* второй редакции (списки БАН, 33.8.13; ГБЛ, собр. Пискарева, № 162; ГИМ, Синодальное собр., № 86), после текста *Летописи Псковской* в рукописи БАН, 33.4.22, после текста хронографа в рукописи БАН, 17.9.9, после текста *Летописи Новгородской Дубровского* (ГПБ, F.IV.238), после текста хронографа (ГПБ, Q.IV.96), а также в сборниках: ГБЛ, собр. ОЛДП, № 286, сборнике из Библиотеки земли Бюртемберг в г. Штутгарте и др. Текст во всех просмотренных списках сходный.

Изд.: Попов. Обзор. Вып. 1. С. 94—95; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. // УИ. 1913. № 1. С. 23—24; Мещерский Н. А. К вопросу о византийско-славянских литературных связях // ВВ. 1960. Т. 17. С. 57—69; Демкова Н. С. Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 380—381.

О. В. Творогов

Повесть о царице Динаре («Слово и дивная повесть зело полезно о девице иверскаго царя дщери Динари царици»; «Писание о Динаре царевне, дщери царя Александра Мелека иверскаго, како власть иверскую правяше и како победи перьскаго царя и прия власть его»; «О приходе царя перскаго на иверскаго царство царствующий тогда иверским царством царевне Динаре по смерти же отца своего Александра»; «Чюдо пресвятыя богородицы иверския о Динаре царице, дщери иверскаго царя»; «Повесть о царевне Динаре иверския земли»; «Дивна повесть мужества и храбрости и мудрость целомудренна девица Динары царицы, дщери иверскаго царя Александра»; «Слово о девице, како царьство соблюди»; «О Динаре царице

иверской»; «О девице Динаре иверскаго града, како победи перскаго царя») — Повесть, широко распространена в рукописной традиции XVI—XIX вв.: к настоящему моменту известно более 130 списков (без учета списков особой редакции П., включенной в *Казанскую историю*).

Наиболее ранние списки памятника, относящиеся к концу 40-х—50-м гг. XVI в., находятся в сборниках литературного содержания (ГПБ, Софийское собр., № 1471; ГБЛ, Волоколамское собр., № 627). В конце 50-х гг. формируется новая редакция П., содержащая дополнительный фрагмент — вставку (ГИМ, Синодальное собр., № 356); значение редакции со вставкой заключается в публицистическом переосмыслении памятника.

В 60-е гг. XVI в. П. была включена в Прибавления к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г. (Сокращенного вида) вместе со Сказанием о крещении Афона и кратким русским летописцем (ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, № 4013; ГПБ, Соловецкое собр., № 437/51 и др.), а в 90-е гг. XVI в. отредактирована для 2-й редакции Казанского летописца. Анализ прибавлений к *Хронографу* как литературного контекста П. о ц. Д., а также характер обработки П. для Казанской истории, как и наблюдения над редакцией со вставкой, свидетельствуют о публицистическом прочтении П. в литературе XVI в.

XVII век — время наибольшего распространения П. о ц. Д.; к этому времени относятся около 90 списков памятника. Публицистическое звучание П. в XVII в. резко ослабевает, и на первый план выдвигается религиозно-дидактический аспект. Об этом позволяет судить состав сборников XVII в., включающих П. о ц. Д.: в большинстве своем они имеют нравоучительный характер. Кульминацией религиозно-дидактического прочтения П. следует считать создание новой редакции, представленной в единственном списке XVII в. — ГБЛ, собр. Овчинникова, № 579: историческое сказание о войне грузинской царицы с персами преобразовано здесь в назидательную повесть, или в слово.

В XVII в. распространено было также отношение к П. как к историческому повествованию; об этом свидетельствуют включение ее в сборники вместе с воинскими повестями, летописцами и создание редакции без концовки (списки ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГИМ, собр. Щукина, № 698; ГБЛ, Музейное собр., № 4166). Параллельное существование религиозно-назидательного и исторического прочтений памятника связано с характерной для П. о ц. Д. слитностью «чудесного» и воинского начал.

В XVII в. зарождается интерес к занимательной стороне памятника. В списках ГПБ, Q.XVII.143; БАН, 17.5.6 текст П. значительно сокращен за счет развернутых сравнений, пространных назиданий, подробностей в описании битвы; сюжет прояснен, восприятие его облегчено. Расчленение текста на главки с названиями, отразившими основные этапы развития сюжета П. (список ГПБ, Q.XVII.143), также говорит об интересе к занимательной стороне сочинения. Одновременно происходит переосмысление сюжетной схемы П., связанное с отмеченным вниманием к событийному плану. В серии текстологически независимых друг от друга списков XVII в. (с усеченной концовкой) сведения о судьбе Грузии после победы Динары выводятся за рамки повествования; сочинение о всем царствовании Динары превращается в рассказ об отдельном эпизоде — войне с персами.

XVIII век отмечен спадом интереса к П.: резко уменьшилось по сравнению с XVII в. число сохранившихся списков, которые в большинстве своем представляют почти дословные копии более ранних протографов. П. попадает теперь преимущественно в исторические сборники, а также в сборники, тяготеющие к занимательному повествованию. Именно стремление сделать сюжет П. динамичней, занимательней привело к созданию единственной редакции XVIII в., отразившейся в списке ГБЛ, собр. Тишоправова, № 54.